

Кострома многонациональная.

В делопроизводственных документах XIX – нач. XX вв. не было принято указывать национальную принадлежность того или иного лица. В лучшем случае указывалось гражданское подданство. В значительной части документов ограничивались формулировкой «иностраннй подданный», либо просто «иностранец». С принятием подданства Российской империи из документов устранялось и это определение. Лишь в 1897 г. в ходе Первой всеобщей переписи населения Российской империи была предпринята попытка определить национальный состав населения на основании родного языка. Согласно этим данным 99,62 % населения Костромской губернии составляли русские, татары – 0,06%, евреи – 0,06%, поляки – 0,05 %, немцы – 0,02%, латыши – 0,02%, прочие – 0,03 %. Особую группу населения, 0,14 % от общей численности, составляли черемисы, проживавшие в Тоншаевской и Ошминской волостях Ветлужского уезда.

Сведения о распределении населения Костромской губернии по народностям на основании родного языка представлены в таблице¹:

Народности	Численность проживающих		
	на территории губернии	в городах	из них в г. Кострома
Русские	1 381 715	92 017	39 443
Черемисы	2 001	16	16
Евреи	830	748	531
Татары	792	621	580
Поляки	703	596	513
Латыши	327	34	30
Немцы	289	178	123
Прочие	358	155	100

Необходимо отметить, что при подведении итогов переписи статистическим комитетом в национальную группу «русские» были причислены 175 человек, считавшие родным языком белорусский, и 164 человека, родным языком которых

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета МВД / Под ред. Н.А. Тройницкого. – Т. 18. Костромская губерния. – СПб, 1903. – С. 8-9, 96-99.

был малороссийский. В категорию «прочие» вошли говорившие на цыганском – 169 чел.; литовском – 36 чел.; шведском – 16 чел.; мордовском – 15 чел.; французском – 13 чел.; эстонском – 13 чел.; английском – 11 чел.; финском – 11 чел.; зырянском – 11 чел.; чешском – 6 чел.; персидском – 5 чел.; итальянском – 3 чел.; турецком – 3 чел.; сербском – 2 чел.; армянском – 2 чел.; венгерском – 2 чел.; башкирском – 2 чел. и по 1 человеку, говоривших на греческом, чувашском, киргизском, жмудском, вотятском, картвельском языках.

Поляки, евреи и немцы проживали преимущественно в г. Костроме. Удельный вес поляков, живших в губернском городе составлял 72,9% от общего числа; евреев – 63,9%; немцев – 42,5%. Остальные были довольно равномерно расселены по территории губернии. По совокупной численности проживавших там поляков лидирующее место занимают г. Нерехта и Нерехтский уезд (39 чел.), г. Кинешма и Кинешемский уезд (21 чел.). По численности немцев первое место принадлежит г. Кинешме и Кинешемскому уезду (46 чел.), г. Чухломе и Чухломскому уезду (23 чел.) Наибольшее число евреев проживало в городах Кинешма (68 чел.), Галич (55 чел.), Юрьевец (38 чел.).

В ходе переписи татары, проживавшие в пригороде г. Костромы - Татарской слободе, входившей в Гридинскую волость, были причислены в состав городского населения. Их удельный вес составлял 73,2% от общего числа. Характерно, что в уездах и уездных городах зарегистрированы преимущественно татары-мужчины – 162 чел., женщин зарегистрировано только 9 человек. В Буйском, Галичском, Кинешемском, Кологривском, Макарьевском, Чухломском и Юрьевецком уездах зарегистрированы только мужчины.

Из числа латышей 186 человек (56,8% от общей численности) – колонисты земледельцы, поселившиеся в Галичском уезде. В отличие от них, литовцы селились главным образом в г. Костроме - 30 из 36 человек. Эстонцы – в Варнавинском уезде – 11 из 13 человек.

Число цыган, проживавших в г. Костроме было относительно невелико – 24 человека. Кроме того, цыгане небольшими группами от 10 до 27 человек селились в Буйском, Ветлужском, Макарьевском, Нерехтском и Юрьевецком уездах.

На момент проведения переписи в Костромской губернии проживало 118 человек иностранных подданных. В их числе подданных Германии – 61 человек; Австро-Венгрии – 15; Швейцарии – 13; Великобритании – 7; Швеции – 7; Персии – 6; Франции – 4; Турции – 1; прочих азиатских государств – 1; без указания государств – 3².

Национальный состав населения губернии формировался благодаря нескольким источникам: 1) подданные иностранных государств, поступившие на службу Российской империи и получившие российское дворянство; 2) бывшие военнопленные, принявшие подданство Российской империи; 3) татары, переселенные в Костромской уезд в конце XVII в.; 4) польские крестьяне, вывезенные на территорию губернии в результате разделов Польши в конце XVIII в. 5) ссыльные участники польских восстаний 1863 – 1864 гг.; 5) социальная миграция.

1. Иностранные подданные на службе Российских государей.

Костромские дворянские роды³.

Служба иностранцев в русской армии и при царском дворе началась задолго до петровских времен, с которыми традиционно связывают появление иноземных чиновников и офицеров на русской службе. Первые упоминания о земельных владениях иноземцев в Костромском крае относятся к первой половине XVII в. Так, в 1619 г. во владение немецкого ротмистра Дениса Берндтовича Фон-Висина (звучание Фон-Визин фамилия приобрела в начале XVIII в.), была пожалована вотчина в Турковом стане Галицкого уезда, деревни: Васукова, Курьяново, Останино, Полина да пустоши: Скордежева, Корнекова и Меринцова⁴. По ввозной грамоте 1625 г. жеребей с. Введенское Борщина стана был записан «за немцы Иваном Петровым сыном Шварка, да за Богданом Ивановым Курлиным». В 1647 г. было отказано «иноземцу Ивану Федорову Былину, да костромичу Ивану Федорову Попову в поместье со всеми угоды» с. Антоновское Дуплехова стана⁵.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета МВД / Под ред. Н.А. Тройницкого. – Т. 18. Костромская губерния. – СПб, 1903. – С. 92-93.

³ Опубликовано: Бадина Н.В. Иностранные подданные на службе Российских государей. Костромские дворянские роды. // Страницы времен – 2011 – № 4 (11)– С. 87-95.

⁴ История родов русского дворянства. - Кн. 2. – Москва, 1991. – С. 308-309.

⁵ Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. – Вып. 5. – Москва, 1912 г. – с. 21, 38.

В Писцовой книге г. Костромы 1628 г. упоминаются дворы в Старом городе немцев Юрия Палтова, Романа Миколаева, Бориса Яковлева, Кашпира Давыдова, Ортемия Голбярхова, Юрия Волды; дворы иноземцев Федора Селецкого, Ивана Сменцова, Ивана Мецтака, Лаврентия Красовского, «двор пуст» иноземца Мартына Волмирова, дворы дочери иноземца Ивана Зенгера Марии, двор немки вдовы Анны Отоденовской. Живущими в чужих дворах указаны иноземец Борис Улфов и «кормовой немчин» Андрей Волков⁶.

С 1614 г. в числе костромских помещиков упоминается немец Арист Фамендин (Фон-Менгден). В его владении - осадный двор по улице Большой к Водяным воротам в г. Костроме, часть Никольской слободы, пустоши в Дмитровцевом стане Костромского уезда. Его сын, Алексей Аристович Фамендин, в 1675 г. - стольник царицы Натальи Кирилловны, в 1676 г. – стольник царя Федора Алексеевича, имел поместья в Костромском, Галичском, Свияжском, Кашинском, Тверском уездах. Среди владений Фон-Менгден в конце XVIII в. упоминаются ус. Сотниково Луховского уезда, ус. Борисово Кусской волости Костромского уезда⁷.

Род Фон-Менгденов внесен в IV часть дворянской родословной книги Костромской губернии (№ 914). По данным ревизии 1858 г. его представители владели именьями в Костромском, Кологривском, Кинешемском уездах Костромской губернии. Им же принадлежала одна из четырех, действовавших на территории Костромской губернии в первой половине XIX в. полотняных фабрик, устроенная женой Михаила Александровича Фон-Менгдена, Амалией Георгиевной (урожденной фон Фелькерзам), в ус. Никольское Кинешемского уезда. Скатерти, салфетки и полотенца, производившиеся на фабрике были известны по всей России, и считались одними из лучших. Качество изделий фабрики Фон-Менгден, ежегодный оборот которой составлял от 9 до 15 тыс. рублей серебром⁸, было отмечено многими престижными наградами: в 1835 г. – малой золотой медалью на Второй Московской выставке российских мануфактурных произведений; в 1839 г. – большой серебряной медалью на

⁶ Писцовая книга г. Костромы 1627/1628 – 1629/1630. – Кострома, 2004. – С. 17-18, 20, 23-29, 32.

⁷ ГАКО, р-864, оп. 1, д. 893, л. 12, 13, 24-27; Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. – Вып. 5. – Москва, 1912 г. – с. 26.

⁸ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. – Кострома, 1862. - С. 366.

Выставке российских мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге; в 1843 г. – малой золотой медалью на Третьей Московской выставке российских мануфактурных произведений; в 1849 г. – большой золотой медалью на выставке в г. Кинешме; в 1851 г. получен похвальный отзыв от Королевской Комиссии на Первой всемирной выставке в Лондоне⁹. После смерти баронессы Фон-Менгден в 1864 г. фабрика была закрыта. В 1880-е гг. на ее основе была организована фабрика Н.В. Коновалова.

Мы не случайно упомянули о внесении рода Фон-Менгден в IV часть родословной книги Костромской губернии. В эту часть записывались, т.н. «выезжие роды», приехавшие в Россию уже имея дворянское достоинство. Для Костромской губернии это роды: Бантыш-Каменские, Бошняк, Васильчиковы, Гильдт, Готовцевы, Даудовы, Дудышкины, Ермолаевы, Кологривовы, Нащекины, Новгородские, Поливановы, Сумароковы, Тухачевские, Урусовы, Философовы, Фон-Менгден, Хвостовы.

Большинство из них обосновались в России с давних времен и по праву числились одними из древнейших родов русского дворянства. Среди землевладельцев Костромского уезда XVII в. упоминаются Васильчиковы, Кологривовы, Поливановы, Сумароковы, Тухачевские, Философовы¹⁰. Приведем несколько примеров.

Родоначальником Философовых принято считать Марка Христофора Философова, выходца из Македонии, согласно степенной книге переселившегося в Россию еще при князе Владимире. Представители рода при Иоанне Грозном составляли уже 17-е колено от Марка. В 1622 г. по ввозной грамоте в поместье за Иваном Ивановичем Философовым отдано две трети с. Ильинское Хоруганова стана. Его брат Федор Иванович, участник защиты Москвы во времена польско-литовской интервенции, числится в ряду кинешемских помещиков. В 1697 г. его сыном, стольником Матвеем Федоровичем Филососовым приобретен жеребей с. Филипкова Сущева стана¹¹.

⁹ Материалы для географии и статистики России. Костромская губерния. / Сост. Я. Крживоблоцкий. – СПб, 1861. – с. 348-351.

¹⁰ Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. – Вып. 5. – Москва, 1912 г. – с. 40, 60, 71, 95, 108, 111, 125-128, 139, 157, 167, 173, 175, 178.

¹¹ История родов русского дворянства. - Кн. 2. – Москва, 1991. – С. 306-307; Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. – Вып. 5. – Москва, 1912 г. – С. 11, 128.

Род дворян Васильчиковых, согласно родословной легенде, происходит от некоего Индриса (Тенгриса), выехавшего в Россию «из цесарской земли» в середине XIV в., и принявшего православие с именем Леонтия. Васильчиковы издавна владели поместьями в Костромском уезде. В числе их имений в первой трети XVII в. упоминаются: за вдовой Окулиной Назарьевной Васильчиковой – с. Есиповское Нерехтского стана; за Тимофеем Никитичем Васильчиковым – с. Красное на Шаче, д. Кузнецово Сущева стана, с. Давыдовское Емецкой волости¹².

Из числа дворянских родов выехавших в Россию в XVII – XVIII вв. можно назвать Бантыш-Каменских, Бошняков, Даудовых, Ермолаевых, Гильдтов.

Родоначальником Даудовых стал Али-Марван Бабаев, родом из г. Исфгани (Персия), состоявший на службе у иранского шаха. В 1653 г. он был представлен ко двору царя Алексея Михайловича и, по принятии крещения с именем Василия, а по крестному отцу – Александровича, определен в Посольский приказ в качестве толмача. Прослужив 13 лет переводчиком, А.В. Даудов выказал большие дипломатические способности, и с 1667 г. начинается его деятельность в качестве посла. В промежутке между дипломатическими поездками он исполнял и административные должности: в 1674 г – воеводой в г. Яренске, в 1680 г. – в Чаронде, в 1683 г – в г. Скопине. Участвовал в походах в Троицком 1683 г. и Крымском 1687 г. Во владении Даудовых вплоть до 1812 г. состояло с. Семеновского Нерехтского уезда¹³.

Предок Бошняков, Константин Конкосколиди, грек по национальности, уроженец турецкой области Македонии, выехал в Россию во времена правления Петра I. Появление же их на Костромской земле связано с именем Карла Ивановича Бошняка, в 1780 г. вступившего в брак с Надеждой Александровной Аже, за которой было отписано поместье с. Есипово с деревнями Старое, Клетино, Ченцы, Глазово в Нерехтском уезде. Здесь в 1781 г. радением К.И. Бошняка была устроена теплая каменная церковь во имя великомученицы Екатерины, в 1802 г. было начато строительство летнего храма. Усадьба Есипово находилась во владении Бошняков вплоть до 1925 г¹⁴.

¹² История родов русского дворянства. - Кн. 2. – Москва, 1991. – С. 226-230; Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. – Вып. 5. – Москва, 1912 г. – С. 71, 125, 127..

¹³ Григоров А.А. Из истории Костромского дворянства. – Кострома, 1993. – С. 257-259, 333-334.

¹⁴ Йенсен Т.В., И.Ю. Кондратьева, Д.Б. Ойнас, А.И. Сорокин. Костромская усадьба. – Кострома, 2005. – С. 179-180.

Этот род дал России немало славных имен. Внук Карла Ивановича, Николай Константинович Бошняк, известен как участник экспедиции Г.И. Невельского на Дальнем Востоке, исследователь о. Сахалин. За заслуги в деле исследования крайних восточных владений и закрепления их за Россией он был награжден орденами Святого Владимира IV степени, Святой Анны III степени, Святого Станислава II степени и получил пожизненную пенсию в 350 руб. Во второй половине 1850-х гг. Николай Константинович вернулся на родину и до 1870 г. жил в Нерехтском уезде. Служил мировым посредником по Нерехтскому уезду (1860–1862), состоял действительным членом и членом правления Костромского губернского статистического комитета¹⁵. Последние годы своей жизни провел в Италии, где и умер.

Гильдт Христиан Иванович происходил из дворян Римской империи, княжества Нассау Саарбрюкенского. В Российской службе состоял с 1773 г. в чине подпоручика Санкт-Петербургского полка. Участвовал в войне с Турцией 1773 – 1774 гг., 1788 г. В боевых действиях в Польше в 1778, 1779, 1783, 1784, 1787 гг. Дослужился до звания секунд-майора. После выхода в отставку в 1789 – 1802 гг. исполнял должность чухломского городничего. В его владении и владении его жены, Натальи Васильевны (урожденной Воейковой) – ус. Поповское, с. Ново-Никольское Чухломского уезда¹⁶.

В числе титулованных дворянских родов Костромской губернии, внесенных в V часть родословной книги, упоминаются бароны Фон-Кистер (№ 929), бароны Фон-дер-Остен-Сакен (№ 930). Баронский род Кистеров происходил от Карла Христиановича Фон-Кистера, камергера герцога Ангальт-Кетенского, в 1833 г. возведенного с нисходящим потомством в баронское достоинство герцогства Ангальт-Кетенского. В 1848 г. ему было разрешено потомственно пользоваться баронским титулом в России. Во владении рода Фон-Кистер с 1835 г. находилось с. Молвитино Буйского уезда.¹⁷

Во владении рода Фон-дер-Остен-Сакен усадьбы Богословское, Ивановское (с 1870-х гг.), Китовразка Галичского уезда. Из числа представителей рода до нас

¹⁵ Григоров А.А. Без Костромы наш флот неполон...: Справочник. – Кострома, 2002. – С. 23-24.

¹⁶ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 1013, л. 1-3; р-864, оп. 1, д. 279, л. 1-2.

¹⁷ ГАКО, ф. 200, оп. 3, д. 754, л. 731.

дошли сведения о Геннадии Иосифовиче Фон-дер-Остен-Сакен, исполнявшего должность земского начальника Галичского уезда в 1895 – 1907 гг.¹⁸

В I часть дворянской родословной книги Костромской губернии были внесены роды «действительного дворянства» то есть дворяне, пожалованные в потомственное дворянское достоинство императорским дипломом, гербом и печатью: Ламб, Моллер, Фолькман.

Наиболее известным среди перечисленных является род Ламб. Иван Варфоломеевич Ламб состоял в должности наместника и правителя Костромского наместничества в течение десяти лет, с 1786 г. по 1796 г.¹⁹ Сын «шотландского дворянина» Варфоломея Андреевича Ламба, он поступил на военную службу в 1756 г. Некоторое время служил в лейб-гвардии Конном полку, вскоре был переведён в армию. В 1779 г. был пожалован чином генерал-майора. До своего назначения в Кострому исполнял должность Пермского губернатора с 1781 г., Уфимского губернатора с 1782 г., Иркутского генерал-губернатора с 1783 г. После восхождения на престол Павла I Иван Варфоломеевич был отозван в Петербург, произведён в генерал-аншефы и получил пост вице-президента Государственной военной коллегии. В 1801 г. был назначен членом Государственного Совета. Скончался И.В. Ламб не многим более 3 месяцев после назначения – 29 декабря 1801 г. Погребён на кладбище Александро-Невской лавры.

В связи с тем, что со смертью Ивана Варфоломеевича, род Ламб по мужской линии пресекался, фамилия Ламб была передана мужу одной из его дочерей, И.И. Васькову, с правом именоваться Васьковым-Ламб. По данным ревизии 1816 г. во владении Анны Ивановны Ламб (Васьковой), состояло с-цо Леоново Костромского уезда²⁰.

Среди костромских дворян было немало, получивших дворянское достоинство за службу. Согласно Табели о рангах, утвержденной Петром I в 1722 г. «все служители российские или чужестранные, которые осьми первых рангов находятся или действительно были», имели право на потомственное дворянство;

¹⁸ ГАКО, Р-864, оп. 1, д. 1096, л. 3-5.

¹⁹ ГАКО, р-864, оп. 1, д. 736, л. 8; Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. – Кострома, 1862 г. – 246-247.

²⁰ ГАКО, ф. 200, оп. 3, д. 377, л. 895-903; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Т. XVII. – С. 297.

на военной службе потомственное дворянство приобреталось получением первого обер-офицерского чина. Согласно императорскому указу 16 января 1736 г. разрешалось определять иностранцев на вакантные места до штаб-офицерского чина, не испрашивая высочайшего разрешения. При поступлении иностранных офицеров на русскую службу дозволялось определять их в те чины, в которых они «служили прежде»²¹. Более поздними реформами Александра II (1856 г.) право потомственного дворянства было ограничено только высшими чинами, начиная с чина полковника - для военных, и действительного статского советника - для гражданских.

Роды военного дворянства записывались во II часть родословной книги. Среди родов военного дворянства Костромской губернии, имеющих иноземное происхождение можно назвать роды: Арнольд, Базинер, Вагнер, Вальмус, Вергас, Виленбах, Гинглят, Греев, Дельвиг, Дивари, Лагс, Линденер, Люберг, Повы, Репе, Рерих, Розенкранц, Фон-Ахт, Шкот. Обратимся к конкретным примерам.

Согласно сведениям представленным в департамент герольдии в 1848 г., род Шкот имел английское происхождение. Андрей Юрьевич Шкот, поступивший на русскую службу в царствование государя Петра Алексеевича, происходил из английского дворянского рода, в 1708 г. – имел чин подполковника, с 1716 г. – полковника. Его сын, Андрей Андреевич Шкот, так же пошел по военной стезе, дослужился до чина генерал-майора и в 1771 г. за выслугу был удостоен ордена Святого Георгия IV степени. Внук, Яков Андреевич Шкот, в 1788 г. окончил Морской корпус. Участвовал в русско-шведской войне 1788 – 1790 гг., Гогландском (1788), Эландском (1798), Красногорском и Выборгском (1790) морских сражениях. Выйдя в отставку в 1794 г. в чине капитан-лейтенанта, исполнял должность заседателя Макарьевского нижнего земского суда, с 1799 г. – кинешемского городничего, советника Костромского губернского правления. В его владении усадьба Егорьевское Макарьевского уезда²².

²¹ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. IX. – № 6866. – СПб, 1830. – С. 717-718.

²² ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 4087, л. 6-7; р-864, оп. 1, д. 1717, л. 1-3; Григоров А.А. Без Костромы наш флот неполон...: Справочник. – Кострома, 2002. – С. 142-143.

Заметной фигурой, искренней сторонницей и устроительницей дел женского образования в российской провинции стала Софья Андреевна Шкот. Родилась Софья Андреевна 16 апреля 1788 г. в семье генерал-майора Андрея Андреевича и супруги его Сарры Яковлевны Шкот. По окончании Смольного института Софья Шкот поселилась с матерью в Костроме. В 1843 г. с разрешения Министра народного просвещения в усадьбе Бурмачиха, в 10 верстах от Костромы по нерехтскому тракту, ею был открыт частный пансион для воспитания девочек 6-14 лет из семейств дворян, обер-офицеров, священнослужителей и купцов. С открытием в 1857 г. Костромского губернского училища для девиц, Софья Андреевна была приглашена основателем этого училища А. Н. Григоровым на должность начальницы училища, в которой прослужила до 1864 г.

Другим примером может служить род Арнольд. По сведениям, представленным Михаилом Александровичем Арнольд в Костромское дворянское депутатское собрание, он принял российское подданство и был приведен к присяге в 1818 г. В 1819 г. поступил на службу унтер-офицером в 18-й Егерский полк. В 1821 г. был уволен в отставку с чином подпоручика. В 1822 г. принят на службу в Кинешемское правление питейных сборов помощником винного пристава. В 1824 г. перемещен на ту же должность в г. Юрьевец, в 1827 г. назначен винным приставом. На момент внесения, определением Костромского дворянского депутатского собрания 21 декабря 1827 г., во вторую часть дворянской родословной книги Костромской губернии имел чин губернского секретаря. К 1827 г. за ним состояло благоприобретенное имение – усадьба Тимонино в Кинешемском уезде, крепостных мужского пола две души. Женившись на Любове Ивановне Воротниковой, получил за женой имение в Кологривском уезде: деревни Ворово, Ефимово, Кирилово, Рычково, 51 душа мужского пола²³.

Наибольшее число дворянских родов, имевших иноземное происхождение внесено в III часть родословной книги Костромской губернии, это т.н. роды «осьмикласнаго дворянства»: Адамс, Барч, Бренс, Бруно, Виц, Галафре, Гинглят,

²³ ГАКО, р-864, оп. 1, д. 46, л. 29, 33.

Гораже, Гринберг, Диль, Древиц, Дункер, Зегер, Зоммер, Кассель, Клингены, Кукель, Куцен, Левестам, Моравек, Перротте, Петерсен, Петти, Робнер, Ротаст, Саважи, Тиден, Фризель, Цвис, Чечель, Шильдкнехт, Шлефохт, Шрейбер, Шрейдер, Шульц.

Яркий след в истории Костромы оставил Егор Шрейбер, немец по происхождению. Со времени назначения на должность Костромского городского штаб-лекаря он развернул активную работу по оспопрививанию младенцев, за что в 1810 г. был удостоен особой признательности министра внутренних дел. Помимо обязанностей по должности городского лекаря Е. Шрейбер принял на себя оказание безвозмездной медицинской помощи при градской больнице, воспитательном доме, военном лазарете, Смоленском кадетском корпусе. Особо необходимо выделить деятельность Е. Шрейбера в период Отечественной войны 1812 г. Помимо личного труда в военном лазарете, принимавшем до 150 больных ежедневно, он пожертвовал на лечение военнослужащих медикаментов на сумму 1500 руб., безвозмездно оказывал помощь раненым офицерам, расквартированным в г. Костроме. В 1815 г. Е. Шрейбером было подано прошение о создании в г. Костроме ботанического сада для выращивания лекарственных растений. В 1816 г. ходатайством Костромской врачебной управы он был представлен к награждению чинном коллежского асессора²⁴. Примечательно, что в доме на ул. Марьинской (ныне ул. Шагова, д. 61), владельцем которого Е. Шрейбер был 1820-е гг., в конце XIX в. была устроена городская больница. В 1850 г. Егор Егорович Шрейбер по чину отца его был признан в дворянском достоинстве с женой Екатериной и детьми Альфредом, Павлом, Екатериной²⁵.

Необходимо отметить, что земельные владения на территории Костромской губернии имели и дворянские роды, не внесенные в губернскую родословную книгу: Валберх, Гильдебрант, Зеллер, Иохеман, Миллер, Фон-Дервиц, Фон-Визин, Фон-Лакс, Фон-Урлих, Цыклер, Цеге фон Мантейфель²⁶.

²⁴ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 6046, л. 1; д. 7020, л. 1-2 об.

²⁵ ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 4587, л. 205.

²⁶ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. – Кострома, 1862. – с. 159-162; ГАКО, ф. 138, б/ш, 719.

Так, согласно данным ревизии 1795 г. д. Пушкино Варнавинской округи Костромского наместничества, находилась во владении секунд-майора Густава Федоровича фон Урлих.²⁷ В 1795 г. за прапорщицей вдовой Маврой Валберх и ее сыном состояло с-цо Мильгуново, д. Комлево и д. Волронково Галичской округи²⁸.

2. Принятие российского подданства военнопленными, расквартированными в Костромской губернии²⁹.

Одним из факторов, повлиявших на формирование национального состава населения Костромской губернии, стало предоставление военнопленным права принятия Российского подданства. Впервые подобный опыт был предпринят по окончании Северной войны. Необходимо отметить, что натурализация, как юридический процесс приобретения гражданства, российскому праву допетровской эпохи была неизвестна. Впервые подобный опыт был предпринят по окончании Северной войны. Манифестом, провозглашенным в апреле 1721 г., военнопленным «как шведского, так и других народов» предоставлялось право свободно селиться на территории России при условии принесения присяги на подданство российскому государю. Вступление в подданство должно было быть добровольным, причем вступающий должен был показать, «чем он честно пропитать себя чаёт». Вместе с тем, принявшим подданство военнопленным, разрешалось приобретение имений, деревень и заводов, с сохранением прав его, «яко Его Императорского Величества природных подданных».³⁰

Указ 1721 г. не имел прямых последствий для Костромской губернии – впервые военнопленных стали направлять сюда лишь в начале XIX в. В 1806–1807 г. Россия вступила в войну с Францией в составе 4-ой антинаполеоновской коалиции. Согласно предписанию министра военных сухопутных сил С.К. Вязмитинова от 31 января 1807 г. пленных французских штаб и обер-офицеров вместо Симбирской губернии, куда они направлялись ранее, стали отправлять в

²⁷ ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 1747, л. 48-54.

²⁸ ГАКО, ф. 200, оп. 3, д. 152, л. 537-539.

²⁹ Опубликовано: Бадьина Н.В. Принятие подданства России военнопленными наполеоновской армии // Страницы времен – 2012 – № 1 (12) – С. 95-102.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. VI. – №3778. – СПб, 1830. – С. 383-387.

Костромскую и Вологодскую губернии. Пленным определялось суточное содержание в размере: генералам – 3 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб. 50 коп., майорам – 1 руб., капитанам и прочим обер-офицерам – 50 коп., унтер-офицерам – 7 коп., рядовым и нижним нестроевым чинам 5 коп; кроме того, унтер-офицеры, рядовые и нижние нестроевые чины обеспечивались провиантом³¹. Среди прочих в Костромскую губернию были направлены адъютант маршала Мюрата подполковник Ле-Гранже, майор Дешеиль, подполковник Фавер, адъютант Мартинель, капитан барон Фаутонберг и др.³² Первоначально пленные размещались в губернском городе, но уже в апреле 1807 г. часть из них была переведена в уездные города. К июню 1807 г. в Костроме разместились – 14 офицеров и 3 рядовых; в Нерехте – 4 офицера и 1 рядовой; в Галиче – [4] офицера и 1 рядовой, в Чухломе – 4 офицера и 1 рядовой; в Макарьеве – 3 офицера и 1 рядовой; в Юрьевце – 3 офицера и 1 рядовой, в Кинешме – [1] офицер³³.

В сентябре 1808 г. в г. Галич прибыли 15 офицеров и 2 пастора, попавшие в плен в результате войны между Россией и Швецией. Один из них А. Эйрштет 1 ноября того же года скончался и был погребен его товарищами на местном кладбище. Кроме того, сохранились сведения о 12 шведских офицерах, направленных сначала в Ветлугу, а затем в Кинешму³⁴.

Вопрос о предоставлении российского подданства военнопленным вновь был поставлен по окончании Отечественной войны 1812 г. Императорским указом 4 июля 1813 г. военнопленным дозволялось вступать в подданство Российской империи. Нижние чины приводились к присяге местными властями. Вопрос о принятии подданства офицерами передавался на рассмотрение министерства полиции³⁵.

Положением комитета министров от 9 сентября 1813 г. военнопленным, желающим навсегда остаться в России и учинить присягу на подданство, разрешалось селиться во всех губерниях, кроме присоединенных от бывшей Польши, а также Курляндии, Финляндии, Бессарабии, Белостокской и

³¹ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 3028, л. 5-6.

³² ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 3028, л. 14, 27, 29, 73.

³³ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 3028, л. 77-77 об.

³⁴ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 3481, л. 29 об, 40, 55,

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXXII. – № 25415. – СПб, 1830. – С. 593.

Тернопольской областей. В двухмесячный срок со дня приведения к присяге бывшим военнопленным предлагалось избрать для себя род жизни или состояния. Владеющие ремеслами, приписывались в мещанство, и могли быть определены на казенные или частные фабрики и заводы по взаимному с владельцами или управляющими соглашению. Не способные работать на фабриках и заводах: сапожники, портные, садовники и пр., после приписки в мещанство, могли поступать в наем к частным лицам. Бывшие военнопленные, как новые подданные, не имеющие оседлости, на 10 лет освобождались от всех податей и повинностей. С 1824 г. эта льгота распространялась и на тех, кто не владел ремеслом и на момент приписки в мещанство или казенное общество не был зачислен в оклад³⁶.

Действие закона не распространялось на военнопленных польской нации. В соответствии с распоряжением комитета министров 14 января 1813 г. они подлежали отправке в г. Георгиевск в распоряжение генерал-майора Портнягина или в г. Ишим в распоряжение генерал-лейтенанта Глазенапа для укомплектования полков на Кавказе, в Грузии и на Сибирской линии³⁷. К моменту принятия этого распоряжения военнопленных наполеоновской армии из числа поляков на территории Костромской губернии числилось 193 человека.³⁸ Спустя полтора года, в отношении польских пленных последовало новое распоряжение, позволявшее им вернуться на родину или свободно избрать место жительства³⁹.

Всего же, по сведениям на 1 сентября 1813 г., на территории губернии находилось 124 штаб- и обер-офицера и 799 нижних чинов французской армии⁴⁰. В августе того же года Санкт-Петербургское библейское общество провело сбор сведений о национальной принадлежности военнопленных для снабжения их книгами Ветхого и Нового Завета на французском, немецком, итальянском и голландском языках. К сожалению, сведения о составе военнопленных Костромской губернии сохранились лишь частично. Согласно данным проведенного обследования было расквартировано:

³⁶ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXXIX. – № 29921. – СПб, 1830. – С. 323-324

³⁷ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5284, л. 1; д. 5307, л. 7.

³⁸ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5284, л. 3.

³⁹ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5728, л. 1-2.

⁴⁰ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5293, л. 3.

в г. Юрьевец – 125 французов, 29 итальянцев, 6 голландцев, 5 поляков, 4 баварца, 1 ганноверец;

в г. Чухлома – 106 французов, 6 итальянцев, 2 кроатов;

в г. Ветлуга – 76 французов, 2 итальянца, 1 немец и 1 голландец;

в г. Солигалич – 52 француза, 6 итальянцев и 1 представитель далматской нации;

в г. Варнавин – 44 француза и 10 итальянцев;

в г. Кологрив - 34 француза, 18 итальянцев и 2 немцев⁴¹.

Кроме того, на территории Костромской губернии находились испанцы (111 чел.), вюртембергцы (20 чел.), португальцы (14 чел.), швейцарцы (2 чел.), иллирийцы др.⁴² Длительность их пребывания в губернии и возвращение на Родину зависело от национальной принадлежности и регламентировалось циркулярными предписаниями. Так, на основании циркуляра от 23 мая 1813 г. на сборный пункт в местечке Родзивилов Волынской губернии, а оттуда в Вену были высланы пленные австрийцы из Юрьевца (33 чел.), Нерехты (6 чел.) и Костромы (2 чел.)⁴³ Циркуляром от 17 октября 1813 г. право вернуться на родину было предоставлено военнопленным баварцам – 3 обер-офицерам и 9 нижним чинам⁴⁴. В январе 1814 г. губернию покинули 9 штаб- и обер-офицеров и 19 нижних чинов армии Рейнского союза⁴⁵. В марте 1814 г. было получено предписание об освобождении пленных неаполитанцев, расквартированных в городах Кологрив (6 чел.), Варнавин (2 чел.), Макарьев (1 чел.)⁴⁶.

Изменение численности и состава военнопленных на территории Костромской губернии можно проследить на примере Нерехтского уезда. С января 1813 г. по февраль 1814 г. туда прибыло 6 партий военнопленных, в составе которых 2 штаб-офицера, 29 обер-офицеров и 186 нижних чинов. Первыми 25 января 1813 г. покинули город представители Пруссии (4 чел.), затем в апреле того же года находившиеся здесь поляки (14 чел.), в июне были высланы австрийцы (6 чел.)⁴⁷. 29 сентября 1813 г. военнопленные 3-го иллирийского

⁴¹ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5733, л. 3-4, 6 об, 9-11.

⁴²ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5284, л. 2 об-3.

⁴³ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5305, л. 1, 4-7, 12, 16, 31.

⁴⁴ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5281, л. 1-5.

⁴⁵ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5301, л. 1, 25 об, 32, 38-40.

⁴⁶ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5729, л. 1, 3, 9, 19.

⁴⁷ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5727, л. 10.

сербского полка кроатов, 3 обер-офицера и 82 нижних чина, подали прошение Нерехтскому городничему Василию Алексеевичу Коптеву о содействии в принятии подданства австрийского императора Франца I для участия в войне против Наполеона в качестве союзников России⁴⁸. Покинуть Нерехту они смогли лишь в феврале 1814 г.⁴⁹

К маю 1814 г. на территории Костромской губернии оставалось 10 военнопленных штаб-офицеров, 113 обер-офицеров, нижних чинов 921 человек. Подробные сведения представлены в таблице:

Сведения о численности военнопленных на территории Костромской губернии⁵⁰.

Местонахождение пленных	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Нижние чины	Прочие
Кинешма, г.	1	☐	149*	☐
Юрьевец, г.	3	26	117	☐
Кострома, г.	2	19	115	2 жен.
Чухлома, г.	☐	☐	119	☐
Солигалич, г.	1	26	76	☐
Нерехта, г.	2	14	84	☐
Ветлуга, г.	☐	☐	76	☐
Макарьев, г.	1	28	47	1 жен.
Варнавин, г.	☐	☐	49	☐
Кологрив, г.	☐	☐	47	☐
Буй, г.	☐	☐	42	☐

После обнародования Положения комитета министров от 9 сентября 1813 г. в Костромское губернское правление были поданы прошения о принятии

⁴⁸ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5297, л. 1-4.

⁴⁹ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5729, л. 17.

⁵⁰ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5727, л. 55-55 об.

*10 человек из их числа работали на местной фабрике.

российского подданства от 40 военнопленных¹⁷ - французов; 16 - итальянцев; 3 – австрийца; 1 – саксонец; 1 – американец; 1 – немец; 1 – еврей⁵¹.

О своем желании приписаться в мещанское общество г. Костромы заявили: итальянец Иван [Амбре], французы Ксавье Жирар, [Сашо Этьен], Луи Датье, из австрийских пленных Игнатий Островский;

г. Кинешмы – итальянцы Жан Стори, Жозеф Маргантини, Жозеф Паганини, Зон Зин, Л. [Каретези];

г. Кологрив - француз Теодор Пеллер;

г. Макарьев – Жозеф Пуньон;

г. Солигалич – француз Пьер Менуе;

г. Чухломы – итальянцы: Шарль Пьер Мишель, Жан Пьер Бели, Пьер Болели, французы: Фоке Филис, Жан Клод Бара, Жан [Персет];

г. Юрьевца – итальянец Антоний Фортунато Руссий, из числа австрийских пленных Павел Сигорский, Кузьма Мартыновский

Итальянцы [Иван Петро Мафеи], [Иван Иосиф Кокет], Бернардин [Деля Санта], [Бегнети Узед] объявили о своем решении записаться в свободные хлебопашцы. К сожалению, угасающий текст документов не позволяет составить полный список.

По данным на 1816 г. после принесения присяги на жительство в Костромской губернии остались 16 человек. Из их числа были приписаны в мещанские общества г. Кинешма – уроженец итальянского города Модена Павел Персиков; г. Кологрив - француз [Жульен Диу]; г. Макарьев – француз Жозеф Пуньон; г. Солигалич – француз Пьер Менуе; г. Чухломы – итальянцы [Жан Пьер Бели], Пьер Болели, французы Фоке Филис, Жан Барт, Жан Персет; г. Юрьевца – итальянец Антоний Фортунато Руссий, поляк Козьма Мартыновский, Павел Сигорский из числа австрийских пленных. В г. Кострома без приписки проживали француз Сашо Этьен Франсуа, итальянцы Дюани Петро, Дюани Амброзий Кавалеро, Бернардин Деля Санта⁵².

Большинство из них поступили в услужение к местным помещикам. Француз Филис Фоке, был принят в дом губернского секретаря П.А. Семичева в ус. Поповское Галичской округи. Петр Менуе поступил в дом губернского

⁵¹ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5307, л. 23-24 об.

⁵² ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 7082, л. 6-7 об.

предводителя дворянства С.Ф. Купреянова. Их соотечественник, Жан Персет, занимался обучением детей в семье надворного советника Лермонтова. Со временем некоторые приняли решение изменить род жизни. Так, Бернардин Дея Санта, прослуживший несколько лет у госпожи Васьковой, подал в Костромскую казенную палату прошение о приписке в свободные хлебопашцы⁵³.

Кроме того, принятие подданства открывало возможность поступления на государственную службу. В 1815 г. Козьма Мартыновский был принят в число приказных служителей Юрьевецкого земского суда⁵⁴. В 1819 г. бывший военнопленный французской армии Ксавье Жирар, приписавшийся в костромское мещанство двумя годами ранее, подал прошение об увольнении, намереваясь ехать в столицу «для поступления на службу по ученой части».⁵⁵

В 1822 г. по распоряжению казенной палаты в костромское мещанское общество, с освобождением от податей на 10 лет, был приписан бывший макленбургский подданный Антон Андреевич Фреймут⁵⁶. В 1825 г. саксонский подданный Ама Ватреме, состоявший в работниках у крестьянина д. Каликино Кинешемской округи Дмитрия Васильева, подал прошение о приписке в судиславское мещанство⁵⁷.

Связав свою судьбу с Россией, многие из числа бывших пленных, приняли православие. Итальянец Антонио Фортунатто Руссий, попавший в плен в ноябре 1812 г. во время отступления наполеоновских войск из-под Москвы, по принятии греко-российского исповедания получил имя Платон Петров; его соотечественник Пьер Болели был наречен Григорием Антоновым, а уроженец французского г. Севр Жозеф Пуньон – Иваном Григорьевым.⁵⁸

Решающим участие в походе наполеоновских войск в Россию стало и для графа Иосифа Скарбека (ур. департамента Бромберг герцогства Варшавского). Здесь он встретил свою судьбу, женившись на дочери юрьевецкого помещика И.К. Хрущова. Интересно, что род Хрущовых так же имел польские корни. Основатель российской ветви рода, Иван Иванович Хрущ, выехал в Москву на

⁵³ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 7082, л. 10-13 об, 15-16, 18 об, 21.

⁵⁴ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 7082, л. 23-24.

⁵⁵ ГАКО, ф. 497, оп. 3, д. 127, л. 1.

⁵⁶ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 471, л. 2.

⁵⁷ ГАКО, ф. 64, оп. 1, д. 110, л. 1-5.

⁵⁸ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 7082, л. 18 об, 26 об.

службу к великому князю Ивану Васильевичу в 1493 г.⁵⁹ Сам же Иван Кириллович (1763 – 1810 г.), служивший под командованием А.В. Суворова, участвовал в штурме крепости Измаил в 1790 г.⁶⁰. Выйдя в отставку, продолжил службу в Пермской губернии, где дослужился до чина действительного статского советника. Неизвестно как в дальнейшем сложилась судьба молодых, но первые годы своего брака граф Скарбек с женой провели в родовом имении Хрущовых с-це Красное Юрьевецкого уезда.⁶¹

3. Костромские поляки⁶².

Появление поляков в Костромском крае связано с разделами Польши между Россией, Пруссией и Австрией в конце XVIII в. Часть из них была вывезена в Костромскую губернию уже после Первого раздела 1772 г.

На основании императорского указа от 5 августа 1791 г. о приписке «польских дезертиров», являющихся в малороссийских губерниях, к казенным и помещичьим имениям, 16 человек были приписаны к вотчине генерал-поручика Троицкого пехотного полка Воина Савельевича Нащекина, состоящей в Костромском наместничестве. Один из них, кузнец Даниил Петров, получив вольную в 1793 г. поступил в услужение к галичскому помещику Михаилу Семеновичу Зиновьеву⁶³.

Подполковником Василием Степановичем Готовцевым были переведены из Полоцкой губернии в его имение в Солигаличской округе 131 человек «польских дезертиров» с их семьями. Из их числа 25 человек были отданы в рекруты, 3 человека – Ларион Тиханов, Семен Ермолаев и Роман Иванов, в ноябре 1797 г. были отпущены на волю. Ларион Тиханов и Семен Ермолаев приписались в Галичское мещанство, Роман Иванов - в экономическое общество с. Ножкино Чухломского уезда. В том же году все они были отданы в рекруты в зачет будущего 71-го рекрутского набора. Остальные были включены в оклад за В.С.

⁵⁹ Энциклопедический словарь / Издат. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. – Т. 74. – СПб., 1903. – С. 753.

⁶⁰ Информация представлена в монографии Серикова А. «Крепость Измаил»: www.hero.izmail-city.com (дата обращения: 29.01.2012 г.)

⁶¹ ГАКО, ф. 116, оп. 6, д. 928, л. 1-5; ф. 133, оп. 1, д. 7082, л. 30 об.

⁶² Опубликовано: Бадина Н.В. Костромские поляки // Страницы времен – 2011 – № 4 (11) – С. 95-105.

⁶³ ГАКО, ф. 133, оп. 1. д. 1391, л. 2.

Готовцевым, выделившим переселенцам пашенные земли, сенокосные угодья, скот, строения и необходимый инвентарь⁶⁴.

На основании указов 10 января 1773 г., 28 июля 1781 г., польские военнопленные, отданные «по желанию их в вечное услужение к помещикам», по принятии православного закона с женами их и детьми, «хотя бы они и на крепостных чьих женщинах или девках женаты были», получали право выйти на волю и свободно избирать род жизни⁶⁵.

В 1786 г. поляками Алексеем Михайловым и Иваном Васильевым было подано прошение об освобождении их детей из рабства капитана Василий Сумарокова⁶⁶.

В 1796 г. были причислены в Костромское мещанство польской нации уроженец Тимофей Григорьев с женой и детьми, освобожденные Костромской гражданской палатой из рабства костромского купца Василия Ашастина; Козьма Андреевич Ватальский, находившийся прежде во владении у подпоручицы Прасковьи Поливановой и малороссиянин Петр Андреев⁶⁷.

После Второго раздела Польши 1793 г. пленных поляков и служащих из расформированных польских полков стали определять во внутренние гарнизоны и штатные команды⁶⁸. В Костромской губернской роте из числа пленных поляков состояли: – Петр Иванович Чеботарев (в 1802 г. награжден чином унтер-офицера); Петр Кириллович Смушинский; Андрей Михайлович Ключинский; Иван Романович Мятицкой [Метицкий] (взят в плен в 1793 г.); в Нерехтской штатной команде – Тимофей Мартынович Журонский (взят в плен в 1793 г.)⁶⁹ Указом 15 июля 1802 г. им было предоставлено право «возвратиться туда, куда кто пожелает, не возбраняя однако же остаться в службе тем, которые к продолжению оной объявят собственное желание⁷⁰.

В XIX в. Костромская губерния становится местом ссылки участников польских восстаний. Восстание, начавшееся в январе 1863 г., охватило губернии собственно Царства Польского, шесть северо-западных губерний (Виленскую,

⁶⁴ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 180, л. 4, 14, 20-20 об, 24.

⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXII. – № 16723. – СПб, 1830. – С. 1123.

⁶⁶ ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 692 (дело утрачено)

⁶⁷ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 43, л. 6.

⁶⁸ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXIII. – № 17250. – СПб, 1830. – С. 553.

⁶⁹ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 2125, л. 7-13.

⁷⁰ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 2126, л. 14.

Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, Могилевскую) и две юго-западные губернии (Волынскую, Киевскую), называемые Западным краем.

Подавление восстания с помощью военной силы правительство сочетало с многочисленными арестами. Вину и наказание для участников восстания и лиц определяли специальные судебно-следственные комиссии, которые делили всех арестованных по пяти категориям виновности. К первой категории относились организаторы и руководители отрядов, а так же военнослужащие, перешедшие на сторону восставших. Ко второй категории причисляли повстанцев, взятых в плен с оружием в руках, а так же «тех, которые по образованию и положению в обществе могли иметь и имели вредное влияние на массы народа». К таковым были причислены помещики, духовенство, купцы, врачи, учителя, чиновники. По третьей категории виновности судили участников восстания, взятых с оружием в руках, а так же «лиц, увлеченных примером других». Это могли быть ремесленники, крестьяне, несовершеннолетние гимназисты и др. По четвертой категории виновности обвинялись все, заподозренные в оказании материальной помощи повстанцам, предоставлении им пристанища, а так же не донесшие властям о местонахождении мятежников. К пятой категории относили лиц, добровольно сложивших оружие.

После подавления восстания императором были утверждены правила для высылки, водворения и отдачи под надзор полиции участников восстания. Среди них были лица всех сословий: дворяне, духовенство, мещане, крестьяне. По современным оценкам общее число высланных за участие в восстании из Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Украины 36459 человек. Большую часть осужденных отправляли в Сибирь, остальных в губернии северо-западной и центральной России. Костромская губерния приняла первые партии заключенных летом 1863 г., а последние в декабре 1867 г.⁷¹.

Высланы в Костромскую губернию и определены под строгий надзор полиции:

в г. Кострому - Николай Боровский, Вацлав Осмальский, Станислав Рудзский, Адам [Здзинговецкий], Иосиф и Юзеф Жардецкие;

⁷¹ Заливалова Л.Н. Ссылные участники польского восстания 1863 – 1864 гг. в Костромской губернии. История России и Костромской край. – Кострома, 2003. – С. 36-37.

в г. Буй – Сегизмунд Свежинский, Николай Абрамович, Николай Свенцкой, [Титус Турнов], Антон Якубовский, Юзеф Казимиров, Станислав Касперский, Фаустина Янушкевич, Эразм Киселевич, Иван Петрусевич (Пиотрусевич), Иосиф Гордзяковский, Доминик Шелепин, Леонард Станевич, Михаил Шредер с женой Анной и детьми Марией и Адольфом;

в г. Варнавин – Николай Мерчинский, Игнат Башинский, И.И. Петрункевич;

в г. Галич – Антон Струмилло, Болеслав [Маштуревич], Альфонс Будзинский, Игнатий Медунецкий, Генрих Бржеский, Юлиан Аксиматовский, Михаил Бабицкий, Станислав Седлецкий, Юзефа и Елена Подгурские, Онуфрий Горженцкий, Михаил Бабицкий, Ипполит Мусницкий, Болеслав [Варакомский], Алоизий Корсак, Константин Олтаржевский, Владислав Олтаржевский Болеслав Мантуревич, Антон Лакис, Эдуард [Мрозовский], Альфред Кучальский, Антон Чудовский, Капитон Скороткевич, Иосиф Булгарин;

в г. Кологрив – Юлиан Равский, [Мельхиор] Посниковский, Петр Корницкий, Георгий Краевский, Феликс Межинский, Валентин Керзновский, И. Позняк (дворянин Могилевской губернии), ксендз Константин Песляк;

в г. Макарьев - Евстафий Матусевич (дворянин, сослан вместе с семьей), Феликс и Казимира Козловские, Антон Невинский, Антон Жолковский, Сильвестр Пржилковский; ксендз Валериан Гужицкий;

в г. Нерехту – Иван Богушевский;

в г. Солигалич – Вячеслав Лансберг, Оскар Свежинский, Дионисий Добровольский, Игнатий Боровский;

в г. Чухлому – Матвей Кульвец, Михаил Буткевич (дворянин Ковенской губернии, лишен всех прав состояния, имение секвестрировано), Станислав [Эйсимонт], Константин Муравский⁷².

Высланы в Ветлужский уезд для водворения на казенных землях среди государственных крестьян: шляхтич Симон Щука с женой Антониной и детьми Адольфом, Михаилом, Александрой и Эмилией; однодворец Сокольский Александр с женой Евой и дочерью Ольгой; крестьяне Матвей и Антон Мазюк⁷³.

⁷² ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1393, 1553, 1662, 1664, 1733, 1735, 1736, 1737, 1857, 2416, 2281, 2311, 2863, 3109, 4041, 4138.

⁷³ Заливалова Л.Н. Указ. Соч. – С.38-39.

Широко практиковались такие меры наказания, как отдача в арестантские роты и в солдаты. Так, на основании решения судной комиссии от 14 апреля 1864 г. в Костромскую арестантскую роту были направлены:

1. Франтишек Пиотровский, 28 лет, крестьянин Варшавской губернии, признан виновным в добровольном участии в мятеже и нахождении в бандах мятежников. Срок наказания 5 лет.
2. Ян Полещук, 26 лет, мещанин Люблинской губернии, осужден за бытность в банде и хранении в своем доме мятежнических вещей и оружия. Срок наказания 4 года.
3. Александр Щепановский, 18 лет, мещанин Радомской губернии, за бытность в банде осужден на 3 года.
4. Мацей Воляк, 27 лет, за сношения с мятежниками и подвоз продовольствия для банды осужден на два года.

Всего же по сообщениям командующего Костромской арестантской ротой в сентябре 1864 г. в роте состояло уроженцев Царства Польского 257 человек, уроженцев Западного Края 112 человек. Польские арестанты направлялись на работы по устройству городского бульвара под названием Муравьевка, по требованию городского головы и частных лиц для исполнения разной черной работы. В феврале 1866 г. 123 польских арестанта были отправлены в г. Тулу на работы по устройству южной железной дороги. По отбытии срока наказания в Костромской арестантской роте, участники польского восстания высылались в Томскую, Тобольскую и Енисейскую губернии для водворения на государственных землях⁷⁴.

В конце 1860-х и в 1870 гг. в Костромскую губернию стали прибывать поляки, получившие после отбытия срока наказания в Сибири, разрешение на переезд в европейскую часть страны. На основании Высочайшего повеления от 16 апреля 1866 г. сосланные в Сибирь на житьё с лишением прав могли переводиться в Вятскую, Костромскую и Казанскую губернии. В ноябре 1866 г. разрешение перейти на жительство из Тобольской в Костромскую губернию было дано дворянину Юлиану Ипполитовичу Роговскому⁷⁵. В 1867 г. были переведены в

⁷⁴ Заливалова Л.Н. Указ. Соч. – С. 40-43.

⁷⁵ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1836, б/н.

Костромскую губернию под надзор полиции Игнатий Цибульский, Андрей Раубе, Климентий Козелло с сыновьями Владиславом и Юлианом, Станислав Хоминский, Венцеслав Бенкевич, Эдмунд Шпигонович, Александр Котковский, Викентий Квятковский, Сигизмунд Бродовский, Матвей Окульмовский; в 1869 г. из г. Устькаменогорска – Николай Боровский, Станислав Тумашевич, Дионисий Дубровлянский⁷⁶.

Именным указами от 25 мая 1868 г. (п. 5) молодым людям, которым к моменту восстания не исполнилось 20 лет, было даровано прощение, с разрешением уроженцам Царства Польского – вернуться на родину, уроженцам Западного края – проживать в губерниях, назначенных для жительства политических ссыльных: Архангельской, Казанской, Костромской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Оренбургской, Тамбовской⁷⁷. Указом от 25 мая 1870 г. этим молодым людям возвращались прежние права состояния, с ограничением права вступать в государственную службу⁷⁸. Право на свободное проживание в Костромской губернии получили:

- дворяне Виленской губернии – Николай Боровский и Юрий Розгаль;
- Витебской губернии – Вацлав и Сигизмунд Колба;
- Киевской губернии – Иосиф Фиалковский;
- Ковенской губернии – Иван Григорович, Донат Ландсберг, Владислав Козелло;
- Минской губернии – Иван Ревкевич, Оскар Свежинский и Желислав Ивашкевич;
- Могилевской губернии – Аркадий Маковецкий;
- сын купца из г. Миттавы Вячеслав Ландсберг;
- обер-офицерские дети Григорий Дымчевский и Альфонс Шлезингер и др.⁷⁹

Особой вехой в судьбах ссыльных стало Высочайшее повеление от 13 мая 1871 г., на основании которого ссыльные европейских губерний, пробывшие в ссылке два года ко времени его объявления, освобождались от надзора полиции. Им разрешалось проживать повсеместно, за исключением столиц и столичных

⁷⁶ ГАКО. Ф. 133, б/ш, д. 4382, л. 67, 72.

⁷⁷ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. XLIII. – № 45898. – СПб, 1873. – С. 648-649.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. XLV. – № 48410. – СПб, 1874. – С. 706.

⁷⁹ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 2443, л. 71-76.

губерний, запрещалось также возвращение на родину - в Западные губернии или в Царство Польское⁸⁰.

Спустя два с половиной года последовал новый указ от 9 января 1874 г. По нему ссыльным Сибири, лишенных всех «особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» разрешалось переселиться во внутренние губернии по назначению правительства, ссыльные же европейской России освобождались от надзора полиции. Тем, кто уже был освобождён от надзора, разрешалось поступать на государственную службу. Сосланным с места жительства без лишения прав, дозволялось вернуться на родину⁸¹.

Завершающим в истории ссылки польских повстанцев стал Высочайший манифест 14 ноября 1894 г. (ст. XI п. 6-7), по которому «всем лицам, отбывающим ещё наказание за участие в польском мятеже 1863 г., даровано освобождение от полицейского надзора с предоставлением им права повсеместного жительства» с восстановлением прав происхождения, без возвращения однако чинов, орденов, знаков отличия и прав службою приобретенных⁸².

По данным переписи 1897 г. число жителей Костромской губернии, считавших своим родным языком польский, составило 703 человек. Подавляющее большинство, 661 человек придерживались римско-католического вероисповедания, 36 – придерживались православия, 6-лютеранского вероисповедания.

Во второй половине XIX в. на ул. Ивановской г. Костромы был открыт молитвенный дом римско-католической общины во имя Божией Матери. На территории, принадлежащей общине помимо главного корпуса, в котором разместился костел, был построен хозяйственный корпус и двухэтажный деревянный дом. В числе настоятелей костромского римско-католического костела упоминаются в 1909 г. – Феликс Адамович Черковский; в 1911 г. – Иван Иванович Павлович; в 1913 г. – Александр Францкевич; с 1915 г. – Иосиф Юзьвик

⁸⁰ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. XLVI. – № 49597. – СПб, 1874. – С. 564.

⁸¹ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. XLIX. – № 53017. – СПб, 1876. – С. 43.

⁸² Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3. – Т. XIV. – № 11035. – СПб, 1898. – С. 642.

(на основании ст. 69 Конституции РСФСР и инструкции ВЦИК лишен избирательных прав в 1928 г., как служитель культа) ⁸³.

В начале XX в. в Костроме было открыто благотворительное общество для вспоможения нуждающимся католикам. Устав общества был утвержден на общем собрании 30 апреля 1904 г. Главной целью общества стало «доставание средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных римско-католического вероисповедания без различия пола, званий и состояний» ⁸⁴. Состав общества в разные годы колебался от 34 до 47 человек. В ряду его почетных членов состояли: Князев Леонид Михайлович, возглавлявший Костромскую губернию в 1902 – 1905 гг.; действительный статский советник Кукель Бронислав Казимирович, по инициативе которого в 1886 г. в Костроме было основано училище для слепых детей; член Костромской городской думы, председатель правления Костромского общества «Помощь детям», врач Богомолец Мечислав Петрович; Богомолец Олимпиада Фортунатовна, Гржимала [К.А.], Рудзкая Леонтина Фортунатовна ⁸⁵.

Исполнительным органом являлось правление в составе: председатель правления, товарищ председателя, казначей, секретарь. Деятельность правления контролировала выборная ревизионная комиссия. На ежегодном общем собрании заслушивался отчет правления за истекший год и сообщение ревизионной комиссии, а также проходили выборы исполнительных органов на следующий год.

Средства общества включали: членские взносы в размере 3 руб., проценты с неприкосновенного капитала, размер которого за первые десять лет существования общества увеличился с 11 до 229 руб., добровольные пожертвования. Кроме того, члены общества занимались организацией благотворительных спектаклей. Так, 28 января 1913 г. в помещении читальни

⁸³ ГАКО, ф. 56, оп. 3, д. 167 а, 170 б; Справочная книжка Костромской губернии и костромской календарь на 1909 год. – Кострома, 1909. – С. 87; Справочная книжка Костромской губернии и костромской календарь на 1911 год. – Кострома, 1911. – С. 81.

⁸⁴ Бердова О.В. Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX – начала XX века. – Кострома, 2002. – С. 184;

⁸⁵ Отчет правления о деятельности Костромского благотворительного общества для вспоможения нуждающимся католикам, проживающим в г. Костроме, за 1913 г. – Кострома, 1913. – С. 5; Справочная книжка Костромской губернии и костромской календарь на 1909 год. – Кострома, 1909. – С. 56, 87, 101, 103; Колгушкин Л. С редкой любовью: Из очерка истории школы для слепых детей // Губернский дом: Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. – 1996. – №5. – С. 56 – 58.

А.Н. Островского был представлен спектакль «Денежные труды» на польском языке.

Большую часть получаемого дохода правление распределяло между теми, кто остро нуждался в помощи. Средства шли на выдачу пособий семьям, потерявшим кормильца, или тем, кто временно остался без работы, на плату за обучение, за проезд к месту работы по завершении обучения, на приобретение теплой одежды и т.п. Кроме того, общество предоставляло ссуды на организацию собственного дела. В ходе подготовки губернской земской выставки 1913 г. ссуда для внесения установленного залога была предоставлена органисту Масловскому.

В 1905 г. обществом была организована библиотека. Для приобретения книг, которые выписывали из Польши через московских поставщиков, с читателей взималась абонентская плата. Часть средств поступала от продажи старых книг и журналов. В год открытия библиотеки в её составе насчитывалось около 700 экземпляров книг, в 1913 г. – 1 648 экземпляров.

С 1910 г. общество стало организовывать рождественские ёлки для детей. Помещение для организации праздника предоставляли Мечислав Юлианович и Алоизия Казимировна Заблоцкие, содержавшие булочную и кондитерский магазин на ул. Русина. Средства на украшения для елки, угощение и детские подарки собирали по подписным листам.

Среди действительных членов общества было немало известных костромичам имен: провизор К.И. Сильвестрович, с 1902 г. владевший аптекой на ул. Ильинской (ныне ул. Чайковского, д. 5); ординатор уездной земской больницы В.А. Висконт; костромской уездный врач К.К. Толвинский, с 1896 г. служивший при амбулатории Александровского православного братства в Богословской слободе; служащие местного управления земледелия и государственных имуществ В.М. Чарнецкий (староста костела) и И.И. Бесекерский, преподавательница французского языка Григоровской женской гимназии М.К. Морен⁸⁶.

⁸⁶ ГАКО, ф. 135, оп. 1, д. 1427; Отчет правления... за 1913 г. – С. 5-6; Справочная книжка ...на 1909 год. – С. 64, 71, 81, 108; К 25-летию состоящего под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Александровского православного братства в г. Костроме. 1879 – 16 сентября 1904 гг. – Кострома, 1904. – С. 14.

В годы Первой мировой войны среди беженцев прибывших в Костромскую губернию было немало поляков. В 1916 г. в Костроме и Галиче были организованы национальные комитеты помощи жертвам войны. Из их средств беженцам выделялись квартирные и продовольственные пайки, приобреталась необходимая одежда, обеспечивались медико-санитарные нужды (амбулаторное лечение, баня), выделялись средства на погребение умерших. В помощь ищущим работу выделялись инструкторы и проводники. В Костроме для детей была организована школа на 150 человек. Неподалеку от Костромы на даче фабриканта Алексея Андреевича Зотова разместились Варшавский и Корбицкий святого Антония польские католические приюты для детей от 3 до 14 лет. Их содержание осуществлялось из средств Польского комитета при материальной поддержке А.А. Зотова⁸⁷.

Число поляков-беженцев, осевших в Буйском, Галичском, Чухломском уездах к осени 1916 г. составила 474 человека. Общее же число призываемых Польскими комитетами составило 3289 человек⁸⁸.

В июле 1915 г. из г. Белы Холмской губернии в Нерехтский уезд была эвакуирована фабрика деревянных гвоздей и колодок Торгового дома Г.Б. Раабе в Варшаве. Фабрика разместилась на территории Ковалевской волости, неподалеку от уездного центра. В 1917 г. фабрика выпустила продукции на 880 тыс. рублей, число работающих на предприятии составило 215 человек. В июле 1918 г. случился пожар, уничтоживший часть оборудования. Работа фабрики была приостановлена. В 1920 г. предприятие было национализировано и возобновило свою деятельность только после заключения 1 ноября 1923 г. концессионного договора с Торговым домом Г.Б. Раабе⁸⁹.

В августе 1915 г. в г. Буй был эвакуирован химический завод из г. Вильны, с 1894 г. поставлявший на российский рынок глауберову соль, борную и виннокаменную кислоты, буру, серноокислый цинк и др. На новом месте завод разместился в 2-этажном каменном здании и через пять месяцев производство было возобновлено. Основным потребителем в годы войны стал Шостинский

⁸⁷ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 149.

⁸⁸ ГАКО, ф. 1026, оп. 1, д. 114, л. 1-3.

⁸⁹ ГАКО, р-188, оп. 3, д. 22, л. 33-43, 53; Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Костромской губернии. По данным Всероссийской Промышленной и Профессиональной переписи 1918 года. – Тула, 1920. – С. 10-11.

пороховой завод. В 1916 – 1918 гг. число работающих на предприятии колебалось от 30 до 41 человек, в их числе поляки, приехавшие из Виленской губернии вместе с заводом, и местные уроженцы. Возглавили производство выпускник Петроградского политехнического института, инженер Абрам Аронович Мозель (Мазель) и выпускник Цюрихского университета, химик Абрам Лазаревич Хазанович (евреи по национальности). В мае 1918 г. завод был национализирован, и 9 февраля 1919 г. его имущество было передано в распоряжение заводского комитета I-го Буйского химического завода⁹⁰.

После подписания Брестского мира, завершившего участие России в Первой мировой войне, перед правительством встал вопрос о дальнейшей судьбе многочисленных беженцев, наводнивших центральные губернии страны. Приказ Центральной коллегии о пленных и беженцах № 65 (июль 1918 г.) предусматривал формирование единой системы эвакуационных пунктов, в соответствии с которой беженцы из Варнавинского, Кинешемского, Костромского, Нерехтского, Юрьевоцкого должны были отправляться на родину через Костромской эвакуационный пункт; из Буйского, Ветлужского, Галичского, Кологривского, Макарьевского, Солигаличского, Чухломского уездов – через Вологодский эвакуационный пункт⁹¹.

Однако, несмотря на попытки сдержать неконтролируемый поток беженцев, ситуация на границы была по-настоящему трагична. По сообщениям уполномоченного Центральной коллегии Збиневица, в районе Курска скопилось около 20 тыс. беженцев. Немецкие власти отказывались пропускать их на свою территорию, опасаясь распространения холеры. Люди, вынужденные жить под открытым небом умирали от голода и болезней. Умерших хоронили тут же⁹². Чтобы хоть как-то справиться с наплывом желающих вернуться на родину, местным властям была запрещена выдача каких-либо документов, дающих возможность беженцам следовать в западном направлении без предварительного разрешения.

⁹⁰ ГАКО, р-915, оп. 1, д. 1379, л. 2-3; д. 2204, л. б/н; д. 2205, л. б/н; р-622, б/ш, д. 2, л. 10, 47; Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Костромской губернии. По данным Всероссийской Промышленной и Профессиональной переписи 1918 года. – Тула, 1920. – С. 10-11, 45.

⁹¹ ГАКО, р-1463, оп. 1, д. 5, л. 47.

⁹² ГАКО, р-1463, оп. 1, д. 4, л. 20.

С образованием в ноябре 1918 г. Польской Республики вопрос о возвращении польских беженцев потребовал еще и урегулирования на межправительственном уровне. Сложность внешнеполитической обстановки и разгоревшаяся в апреле 1920 г. война между советской республикой и Польшей отложили решение этого вопроса более чем на два года. Лишь 24 февраля 1921 г. в Риге было подписано соглашение между правительствами РСФСР, УССР и Польской Республики о репатриации всех находящихся в пределах их территорий заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов⁹³.

К числу беженцев приравнивались лица, до 1 августа 1914 г. проживавшие на территории Польши и оставившие во время мировой войны 1914 – 1918 гг. занятые или угрожаемые неприятелем районы, а равно выселенные по распоряжению военных или гражданских властей. Согласно ст. 3. соглашения репатриация вышеперечисленных лиц должна была проходить добровольно, без всякого принуждения ни прямого, ни косвенного. При репатриации беженцев и эмигрантов в первую очередь подлежали отправке лица нетрудоспособные, не могущие обойтись без посторонней помощи, больные, инвалиды, старики, одинокие женщины и дети, лица, состоящие на государственном призрении, а также лица, члены семей которых находились на территории Польской Республики. Беженцам разрешалось вывозить багаж весом не свыше 8 пудов для глав семей и одиноких, 5 пудов для каждого члена семьи и 2 пудов для детей моложе 10 лет. В числе прочих предметов в багаже разрешалось вывозить: платье, обувь и носильное белье; необходимые дорожные принадлежности в количестве, не превышающем обыкновенной потребности в пути (например: подушки, простыни, одеяла, полотенца, чайник и т.п.); по одному куску туалетного мыла на каждое лицо и одному фунту простого мыла на семью; полфунта табака на каждого взрослого; швейные машины по одной на семью; золотые и серебряные часы, обручальные кольца, портсигары и дамские портмоне по одному на каждого взрослого человека; изделия из драгоценных камней, общий вес которых не превышает один карат. Из числа продовольственных товаров разрешалось

⁹³ ГАКО, р-2768, оп. 1, д. 2, л. 11.

вывозить не более 20 фунтов на человека, в том числе 8 фунтов муки или хлеба, 5 фунтов мясных продуктов, 3 фунта молочных продуктов и 4 фунта прочих съестных припасов - сахару не более 1 фунта и чаю 1/4 фунта. Рабочим, ремесленникам, земледельцам, медикам, художникам и ученым разрешалось вывозить необходимые для профессиональной деятельности предметы сверх установленной нормы веса. Беженцам, следующим не по железной дороге, разрешалось вывозить их собственный домашний скот и домашнюю птицу, за исключением случаев явной спекуляции. Количество вывозимых денег не должно было превышать 20 тыс. рублей⁹⁴.

Помимо беженцев отправке подлежали военнопленные Первой Костромской трудовой дружины, сформированной в декабре 1920 г. из числа поляков, состоящих в губернском лагере принудительных работ. В первую очередь в направлении польской границы были отправлены санитарные поезда с больными и увечными пленными. 4 августа 1921 г. в Москву был отправлен основной состав – 366 человек. Шесть человек из числа бывших пленными: Х. Брюмштейн, М. Ендриховский, И. Зига, А. Нерой, А. Рафалович, Ц. Стависковский объявили о своем желании остаться в РСФСР⁹⁵.

4. Костромские татары.

Вопрос о времени поселения татар под Костромой начал дискутироваться уже XIX в. Князь А. Козловский в своей работе «Взгляд на историю Костромы», вышедшей в свет в 1840 г., ссылаясь на данные писцовых книг, указывал, что Татарскую слободу заселили выходцы из Романово-Борисоглебска (ныне – город Тутаев Ярославской области), принадлежавшие к роду мурз Магометовых, Бухатовых и др. Их предки – ногайские татары принимали участие в походах с войсками Ивана Грозного на Казань. За это они получили земли в Романово-Борисоглебском уезде. Со временем татары стали принуждаться со стороны властей принять православие. Упорные в вере мусульмане были лишены своих

⁹⁴ Полное собрание законодательства СССР. Система доступа к базе всех нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик – [http:// www.ussrdoc.com](http://www.ussrdoc.com) (дата обращения: 20.09.2010 г.)

⁹⁵ ГАКО, р-1537, оп. 2, д. 4, л. 2, 19 об-20, 21 об, 26 об, 27 об, 34 об, 36 об, 37 об.

имений и переведены в костромские земли. После учреждения губернии, татары в 1779 году вошли в разряд казенных крестьян⁹⁶.

Автор статьи, опубликованной в газете «Костромские губернские ведомости» (имя его в газете не указано), в качестве одного из наиболее ранних свидетельств о поселении татар под Костромой, ссылается на дело Костромской духовной консистории «По прошению Татарской слободы ногайской породы татарина Юсупа Алигупова о крещении в христианскую веру», датированное 12 июля 1729 г.⁹⁷

Аналогичное свидетельство находим в документах Симбирской ученой архивной комиссии, хранящихся в Государственном архиве Ульяновской области. В одном из документов, датированных 8 февраля 1729 г., указывается имя «костромского татарина» Алея Булатова, засвидетельствовавшего «Расписку Василия Садовникова, служителя помещика Алексея Ивановича Еникеева, о приеме от подпоручика Зинзилинского пехотного полка Василия Борисовича Тенишева денег и вещей убитого капитана Семена Никитича Еникеева и о доставке их в с. Новое Михайловское Ишейка тож, Темниковского уезда Воронежской губернии А. И. Еникееву».

А Валиулин, обращаясь к документам Российского государственного архива древних актов (Ф. 210. Денежный стол. Кн. 217. Лл. 121-130), указывает, что татарское поселение под Костромой было основано в 1680 г. Сюда по царскому указу переселили из Романовского уезда 208 человек, отказавшихся креститься в православную веру. В 1686 г. костромской воевода Ф.И. Чемоданов «пересмотрел всех новых переселенцев на лицо» и определил, что под Костромой проживает 44 кормовых мурз и татар, 20 вдов, 51 вдова с детьми и 105 зависимых людей, всего 220 человек. Самыми богатыми были семьи Юсуповых, Кутумовых, Шайдаковых. Татары получали «кормовые деньги» и компенсации за оставленные в Романовском уезде земли⁹⁸.

Эта версия кажется нам наиболее обоснованной. Вопрос земельного права иноземцев в России XVII в. до сих пор не получил в исторической литературе

⁹⁶ Козловский А. Взгляд на историю Костромы. – М., 1840. – С.15, 183 – 185.

⁹⁷ Нигметзянов Т. И. Татарская слобода. Вопросы истории Костромских татар // Провинция как социокультурный феномен: Сб. научных трудов участников Международной конференции, Кострома, май 2000 г. – Кострома, 2000. – Т.1. – С. 80 – 85.

⁹⁸ Валиулин А. Костромской мусульманский извоз // Ислам. – 2002. - № 6. – С. 6.

достаточного освещения. Исследователи упоминают о конфискации поместий и вотчин иноземцев в середине XVII в., связывая это с появлением в 1653 г. царского указа, запрещавшего впредь некрещеным иноземцам иметь земельные владения. Поместья некрещеных иноземцев, согласно указу, подлежали конфискации, вотчины же можно было продать, получив денежную компенсацию⁹⁹.

Сведения о численности костромских татар по данным ревизий приведены в таблице:

№ ревизии	Год	Число семейств	Число душ мужского пола	Число душ женского пола
3	1762	16	62	66
4	1788	Не известно	68	Не известно
5	1795	25	79	79
6	1811	23	102	Не известно
7	1816	33	97	101
8	1834	34	118	144
9	1850	40	151	132
10	1858	38	151	131

Согласно данным переписи 1867 г. в Татарской слободе числилось 159 мужчин и 140 женщин, в 1874 г. – 189 мужчин и 176 женщин. Насчитывалось семьдесят три дома, так что на каждый приходилось по пять жителей. Среди костромских татар роды Бильгельдиевых, Булатовых, Женодаровых, Космасовых, Кыдыбердиевых, Курочкиных, Маметевых, Сиушевых (Сиюшевых), Янгеревых.

Согласно Сенатскому указу №11164, от 13 декабря 1760 г. костромским татарам, поселенным в городе Костроме, «за неимением у них собственных земель под пашню, сенные покосы, под усадьбы и выгон» были выделены земли на выгонных городских землях за Черной речкой¹⁰⁰. Слободе принадлежало двести девяносто шесть десятин, из них двести двадцать пять десятин пахотной и около пятнадцати сенокосной. Посев состоял исключительно из ржи и овса.

⁹⁹ «Иноземцам вотчины продавать...». Дело Поместного приказа о наследовании вотчины Ю. Ю. Абрамова. 1676—1678 гг. // Исторический архив – 1994. - № 1.

¹⁰⁰ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XV. – № 11164. – СПб, 1830. – С. 580-581.

Хлебопашество не обеспечивало полностью потребностей населения. Большинство жителей уже с января начинало покупать хлеб.

Покос находился на расстоянии двадцати верст от селения, под Харчеванскими перекатами на Волге, близ д. Рылово. Сборы сена достигали 150 – 180 возов (двадцати пудов веса), то есть по возу на тягло. Хозяйство велось по трехпольной системе. Уборка сена велась сообща по одному косцу, и потом собранное сено делилось «на косу», то есть по числу кос.

Кроме земледелия жители занимались торговлей лошадьми, извозом, преимущественно в виде ломовых, городских извозчиков, и рыболовством. Рыба сбывалась исключительно в Костроме. Сейфутдин Бильгельдиев содержал лавку в рыбном ряду. Наиболее зажиточные из татар имели свои баржи и по подрядам костромских торговцев, перевозили хлеб и другие грузы, главным образом до Нижнего Новгорода и Рыбинска. В числе парашовладельцев упоминается Фейзулла Сейфулин Маметев. Было несколько искусных лоцманов и капитанов, ходивших на буксирах и легких пароходах. Встречались, так же судорабочие на баржах и содержатели постоянных дворов в Костроме.

Женщины занимались мелочной торговлей нитками. Для приготовления ниток они закупали сообща пряжу, белили и окрашивали их в различные цвета. Как на промысловую особенность татарской слободы, можно указать на производство кумыса, по заказу костромских жителей¹⁰¹.

Духовным центром была мечеть, располагавшаяся в центре слободы. Одним из первых имамов мечети, о котором сохранились документальные свидетельства, стал Шамси-Варан Амиров, прослуживший в этой должности с 1816 по 1849 гг.¹⁰²

Указом Костромского Губернского правления от 30 ноября 1849 г. за №14027 на должность имама-хатыба мечети Костромской подгородной татарской слободы был назначен Тухфатулла Сафарова. На него же была возложена обязанность исполнения духовных треб над нижними чинами из магометан в войсках Московского военного округа. Во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Т. Сафаров выполнял обязанности гарнизонного муллы по Нижегородскому гарнизону. В 1889 г. вследствие отношения Оренбургского

¹⁰¹ Нигметзянов Т.И. История татар Костромы // Ислам. – 2002. - № 6. – С. 6.

¹⁰² ГАКО, ф. 133, оп. 23, д. 92, л. 40.

муфтия Т. Сафаров был утвержден в звании ахуна. В разные годы был удостоен серебрянной медали для ношения на Станиславской ленте, серебрянной медали для ношения на Аннинской ленте на шее, золотой медали на Станиславской ленте, золотой медали на Аннинской ленте, за заслуги по военному ведомству. Награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте, в память войны 1853 – 1856 гг. Удостоен золотой медали «За усердие» для ношения на шее, на Владимирской ленте, золотой медали «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте. Имел серебрянную медаль в память об императоре Александре III. В 1888 г. турецким Султаном был награжден орденом Меджие 3-й степени¹⁰³.

В 1906 г. на должность муллы мечети был назначен Хасамутдин Абызов. В этом же году по решению Оренбургского духовного собрания он был возведен в звание хатыба, 1908 г. – в звание ахуна¹⁰⁴.

Важной составляющей религиозной жизни было обучение детей основам вероучения. С 1886 г. в слободе существовало училище, построенное на пожертвования казанского потомственного почетного гражданина Апакова, в размере 200 рублей и 150 рублей от местного общества. Обучение было бесплатным и проводилось ежедневно, кроме пятницы, местным имамом. Занятия проводились с 8 до 12 часов дня и с 15 до 18 часов. Преподавались: Шариат, арифметика, чистописание (арабский алфавит) и языки – турецкий и арабский (чтение и письмо). Учебное заведение посещало 25 мальчиков, в возрасте от 6 до 15 лет. Жена имама обучала на дому до десяти девочек Шариату, письму и счету.

На рубеже XIX – XX в. учитель в татарское училище стал назначаться распоряжением директора народных училищ Костромской губернии из числа кандидатур избранных жителями татарской слободы. По официальным данным в 1914 г. в мектебе обучались 41 мальчик и 23 девочки¹⁰⁵.

Мы уже упоминали, что количество татар, причисленных к г. Костроме, составляло 73,2 % от общего числа проживавших в губернии. Наибольшее их

¹⁰³ Биография указного Ахуна Сафарова в память пятидесяти шестилетней службы в духовном сане при мечети Костромской подгородной Татарской слободы и описание местности Костромской подгородной Татарской слободы. - Кострома: Губернская типография, 1903.

¹⁰⁴ ГАКО, ф. 134, б/ш, д. 4804, л. 2, 12, 23.

¹⁰⁵ Обзор Костромской губернии за 1914 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. – Кострома, 1915.

число проживало в г. Ветлуге и Ветлужском уезде – 43 человека, в г. Кологрив и Кологривском уезде – 28 человек, в г. Кинешма и Кинешемском уезде – 27 человек. В первой половине XIX в. среди кинешемских купцов упоминается имя Мухамета Мангушева¹⁰⁶.

Согласно данным переписи 1897 г. подавляющее большинство татар – 788 человек, исповедовали ислам; принявших православие было зарегистрировано 4 человека.

5. Социальная миграция на территорию Костромской губернии.

5. 1. Внешняя миграция.

Рассматривая вопрос о социальной миграции, будем иметь в виду как внешнюю, из-за пределов Российской империи, так и внутреннюю, преимущественно из Западных губерний, миграцию населения.

Порядок въезда, выезда и пребывания иностранцев в России начал формироваться в первой четверти XVIII в и приобрел четкое и единое законодательное оформление (в Уставе о паспортах) во второй половине XIX в. Закон выделил те категории иностранцев, кто имел право свободного въезда на территорию России, пребывать в ней и получать подданство, а также категории тех, кто не имел такого права. Иностранцы, прибывавшие в Россию, обязаны были иметь паспорт своей страны, и получить вид (разрешение) на жительство на определенный срок. Высылка иностранцев из России также имела законодательную регламентацию. Такая высылка могла осуществляться как в административном, так и судебном порядке.

Первый шаг на пути предоставления иностранцам права свободного въезда в Россию был сделан в эпоху Петра I. Манифестом от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию» им гарантировался ряд прав и привилегий, а также свобода вероисповедания. Въезд в Россию разрешался лицам военного звания, купцам и «разным мастерам».

Продолжателем петровских реформ стала императрица Екатерина II, провозгласившая 4 декабря 1762 г. манифест «О позволении иностранцам, кроме

¹⁰⁶ ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 8167.

жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое Отечество».

Предоставление права иностранцам свободного въезда в страну требовало определения их правового статуса. Сенатский указ 31 июля 1722 г. предписывал: «Иноземцев разных наций, которые приняли веру греческого исповедания и содержатся в своих законах на воле, переписав, определить по желанию их, мастеровых – в цехи, не мастеровых – в купечество или же к кому в дом пойдут. А которые в цехи, в купечество или в дом не пожелают, а пожелают служить у разных чинов погодно, и таких писать, где они и у кого служат...»¹⁰⁷. Тем же указом запрещался выезд из России иноземцев, принявших православную веру. Указ этот получил свое продолжение в 1744 г.: иностранцы, поступившие в услужение к помещикам и женившиеся на крепостных, закреплялись за теми помещиками; женившиеся же на свободных и вольноотпущенных или неженатые, сохранили право «жить где похотят: в цехах, и в купечестве или у кого в услугах»¹⁰⁸.

С 1792 г. впервые юридически было закреплено право иностранцев, по добровольному их согласию, приписываться к казенным селениям. Вместе с тем закреплялось право отдавать иностранцев, приписавшихся к казенным селениям, в рекруты. Однако с тем условием, чтобы распределялись они на службу по военным командам внутри империи, удаленным от границ¹⁰⁹. Несмотря на то, что иностранцы, закрепленные за помещиками или приписавшиеся к казенным селениям, учитывались в ходе ревизий, ревизские сказки не дают нам никаких объективных данных, т.к. записывались они наравне с прочими крестьянами и дворовыми людьми, без указания происхождения.

В первой половине XVIII в. впервые в Российской юридической практике иностранцам было предоставлено право получения Российского подданства. Напомним, что по окончании Северной войны, манифестом 1721 г. военнопленным предоставлялось право свободно селиться на территории России

¹⁰⁷ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. VI. – № 4067. – СПб, 1830. – С. 754.

¹⁰⁸ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XII. – № 8974. – СПб, 1830. – С. 155-156.

¹⁰⁹ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXIII. – № 17021-17022. – СПб, 1830. – С. 553.

(исключая приграничные территории) при условии принесения присяги на подданство Российскому государю.

27 августа 1747 г. сенатом был издан указ «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягать на вечное подданство России».

Примечательно, что тремя месяцами ранее - 21 мая 1747 г., на рассмотрение сената поступило дело о праве землевладения коллежского асессора Лифляндских и Эстляндских дел, немца по происхождению, Христофора Медера, приобретшего покупкой от графа Головина земли в Ростовском, Копорском и Новгородском уездах, в Костромском уезде – с-цо Харитоново с деревнями Мельниково, Онисимово, Денисово, Хрилево. По рассмотрении дела Х. Медеру предложено было принять подданство России, а в случае отказа – продать имение в течение года¹¹⁰.

В тексте присяги 1747 г., в отличие от изданного ранее, вводилось указание на вечный характер подданства: «Аз нижепоименованный, бывший поданный, обещаюсь и клянусь Всемогущему Богу, что я Всепресветлейшей... Государыне... хочу верным, добрым и послушным рабом и вечно подданным с моею фамилией быть и никуда... за границу не отъезжать и в чужестранную службу не вступать». Текст этот оставался неизменным и в последующих указах: от 8 марта 1762 г. и 6 июля 1793 г. В соответствии с указами от 12 декабря 1796 г. и 18 апреля 1801 г. присягающий, не называя себя рабом, обещал тем не менее «верным, добрым, послушным и вечно подданным с моею фамилией быть». Текст этот перешёл, в конечном счете, и в Свод законов. Этим же указом были впервые признаны допустимыми смешанные браки также при условии вступления иностранца в вечное подданство России. Это условие было подтверждено указом от 26 августа 1833 г.

На основании таможенного устава 1755 г. иностранные купцы, принявшие вечное подданство России, уравнивались в платежах портовых и внутренних пошлин с российскими купцами¹¹¹. С принятием манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» 1 января 1807 г.,

¹¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XII. – № 9406. – СПб, 1830. – С. 706.

¹¹¹ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XIV. – № 10486. – СПб, 1830. – С. 471.

иностранцы лишались права записываться в гильдии российского купечества. Иностранцам, записанным в гильдии на момент вступления в силу манифеста, было предписано либо в течение 6 месяцев вступить в вечное подданство Российской империи, либо принять права, принадлежащие иностранному купечеству. При этом иностранным купцам запрещалось вести розничную торговлю, разрешены только оптовые продажи. Однако им позволялось приобретать и содержать фабрики, заводы и мануфактуры с вольнонаемными рабочими. Сенатским указом 27 мая 1807 г. был определен порядок вступления иностранных купцов в вечное подданство¹¹². Согласно этому закону иностранцы, желавшие вступить в гильдии, если они находились в столице, должны были явиться в Министерство коммерции и подать объявление о желании вступить в вечное подданство. Министерство после изучения сведений о поведении и занятиях иностранцев представляло сенату заключение о допущении их к присяге, которая приносилась в губернском правлении. В других местностях упомянутые обязанности Министерства возлагались на губернаторов, которые были обязаны представить свои заключения сенату. Таким образом, принятие в подданство законом 1807 г. ставилось под контроль Правительствующего Сената.

Законом от 6 февраля 1826 г. этот порядок был существенно упрощен. Отныне приведение к присяге всех иностранцев, желающих вступить в гильдии, мещанство или в цех, осуществлялось распоряжением губернских правлений после получения необходимых сведений об их поведении. Причем приведение к присяге должно было осуществляться в присутствии представителя губернских правлений. Впоследствии губернатору было предоставлено право разрешать иностранцам принятие присяги в полиции, в городской думе или ином ближайшем присутственном месте.

Согласно Городовому положению и Уставу о цехах 1799 г. подтверждалось право иностранцев записываться в цехи. Право это было приостановлено в 1807 г., в связи с принятием манифеста «О дарованных купечеству новых выгодах...», до особого постановления принятого лишь в 1824 г. Первоначально разрешение записываться в цехи, а равно и в мещанство, было возобновлено лишь для

¹¹² Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXIX. – № 22533. – СПб, 1830. – С. 973.

иностранцев, принявших российское подданство. О каждом таком случае губернские казенные палаты обязывались сообщать в Правительствующий Сенат¹¹³. Однако уже в 1825 г. было дано разрешение записываться в цехи и мещанство всем иностранцам (исключая евреев), имеющим виды для свободного проживания, на основании общих правил для российских ремесленников, с освобождением от рекрутской повинности и личных городских служб, взамен которых был определен особый платеж в казну по 20 руб. в год¹¹⁴.

Одно из первых упоминаний о приписке иностранцев в Костромское мещанство относится к 1829 г. Среди документов Костромской городской думы находим подписку макленбургского подданного Генриха Лютке, данную при вступлении в костромское мещанское общество¹¹⁵. В Костроме им была открыта каретная мастерская, с 1840 г. располагавшаяся в двухэтажном каменном доме в Гимназическом переулке (ныне ул. Лермонтова д. 4)¹¹⁶.

Несмотря на то, что существующее законодательство, было совершенно очевидно направлено на стимулирование выехавших в Россию иностранцев к принятию российского подданства, многие из них сохранили подданство своих стран.

В списке иностранных поданных, проживавших в г. Кострома в 1817 г. значатся:

- Кихлер Андрей Егорович – портной, саксен-веймарский подданный из г. Ильменау;
- Коллер Мария Елизавета – подданная Саксонии, приехала из г. Дрезден (род занятий не указан);
- Кригер Иван Иванович - булочник, прусский подданный из г. Цеднев;
- Фоглер Карл Карлович – часовых дел мастер, датский подданный, приехавший из г. Копенгаген; при нем сын аптекарский помощник Иван, дочери – Надежда, Мария;

¹¹³ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXXIX. – № 29910. – СПб, 1830. – С. 316-317.

¹¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXXX. – № 30513. – СПб, 1830. – С. 501.

¹¹⁵ ГАКО, ф. 497, оп. 1, д. 96, л. 6.

¹¹⁶ Бочков В.Н. Старая Кострома. – Кострома. 1997. – С. 189.

– Хмелевской Иван – сапожный мастер, прусский подданный из г. Дансинг; при нем жена Екатерина Петрова, дочери – Екатерина, Елизавета¹¹⁷.

Среди иностранных подданных, проживавших в г. Кострома вместе с семьями в 1860 – 1880-е гг. упоминаются: английский подданный Георгий Ловат; баварский подданный Карл Сауль; прусские подданные Франц Гейнельт, Август Отто Гох, Фридрих Клютц, Рудольф Циер, живописец Матиас Фридрихович Соболевский; подданная Саксонии Эмма-Луиза Ганш. Так, Рудольф Карлович Циер приехал в Кострому из г. Кенигсберга в 1870-х гг. Здесь в его семье родились пятеро детей Александр, Константин, Константин, Вера, Владимир. В конце 1890-х гг. его вдова Мария Яковлевна Циер содержала булочную на ул. Русина в г. Кострома¹¹⁸.

Имеется немало примеров, когда иностранное подданство сохранялось даже после многих лет прожитых в России. В мае 1918 г. преподавателем Костромской мужской гимназии Густавом Людке было подано прошение о выдаче его матери, германской подданной Паулине Иосифовне Людке, разрешения на жительство в г. Кострома, где она прожила в течение 50 лет¹¹⁹. В 1919 г. прошение о выдаче вида на жительство поступило от гражданки Пруссии, Берты Эдуардовны Кюле, выехавшей в Россию в 1868 г. Проработав гувернанткой в течение 50 лет, она проживала в доме одной из своих воспитанниц на ул. Мшанской. Аналогичное прошение поступило от гувернантки француженки Селестины Севастиановны Барон, прожившей в России более 35 лет. На момент подачи прошения ей минуло 78 лет, едва ли в таком возрасте могла идти речь о возвращении на Родину¹²⁰.

В начале XX в. иностранным подданным на территории Костромской губернии принадлежали:

1. великобританскому подданному Вольтеру Беллгаузу – Ильинский лесопильный завод при д. Ильинское Унженской волости Макарьевского уезда. Производительность 25 тыс. руб., число рабочих 70 человек¹²¹;

¹¹⁷ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 5545, б/н.

¹¹⁸ ГАКО, ф. 56, оп. 3, д. 48, л. 179 об; Костромской календарь за 1895 г. – Кострома, 1895. – С. 166.

¹¹⁹ ГАКО, р-234, оп. 4, д. 56, л. 166.

¹²⁰ ГАКО, р-234, оп. 4, д. 54, л. 20, 89.

¹²¹ Список фабрик и заводов Костромской губернии, с указанием приблизительного числа рабочих и суммы годовой производительности // Справочная книжка по Костромской губернии на 1914 г. – Кострома, 1914. – Приложение - С. 51.

2. В 1911 г. разрешение на строительство лесопильного завода в Макарьевском уезде при д. Ильинское Унженской волости было дано нидерландскому подданному Корелиусу Яновичу Борст¹²². Возможно продано Беллгаузу в 1913-1914 гг.
3. великобританскому подданному Оскару Стевени – Нельшевский лесопильный завод близ станции Нея, Коткишевской волости Кологривского уезда¹²³. Построен, предположительно, в 1905-1906 гг. В 1911 г. после пожара, уничтожившего заводские помещения, предприятие было продано Н.А. Барышеву¹²⁴.
4. прусскому подданному Отто Густаву Петцольде – с 1878 г. пивоваренный завод на углу Царевской и Власьевской улиц в г. Кострома. Завод прекратил свою деятельность в начале XX в. (упоминается в 1903 г.). Принадлежавший О. Петцольде участок земли, протянувшийся от Власьевской до Ново-Троицкой улиц был продан Владимиру Андреевичу Зотову¹²⁵;
5. прусскому подданному Геэп Андрею Христиановичу – с 1870-х гг. булочная в собственном доме на ул. Русина (ул. Советская д. 8б) в г. Кострома. Около 1902 г. булочная перешла во владение М. Заблоцкого¹²⁶.
6. баварскому подданному Вильгельму Георгу Зебальду - кирпичный завод близ д. Ефаниха Подгородной волости Ветлужского уезда; медо-пивоваренный завод на левом берегу р. Красница близ г. Ветлуга. Завод упоминается с 1895 г.; здесь накануне Первой мировой войны Зебальд планировал наладить производство сельтерской и содовой вод¹²⁷;
7. германскому подданному Горацию Станиславу Шперу – лесопильный завод и лесная дача свыше 37864 дес. близ станции Брантовка в Кологривском уезде;
8. германскому подданному Людвигу Ахенбаху – лесная, покосная и пахотная земля в количестве 1859 дес. 1682 саж. и лесопильный завод близ д. Васиково Успенско-Нейской волости Кологривского уезда с оборотом 21 тыс. руб.;

¹²² ГАКО, ф. 137, оп. 2, д. 4341, 4433.

¹²³ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1910 г. – Кострома, 1910. – С. 279.

¹²⁴ ГАКО, ф. 137, оп. 1, д. 4435, л. 2-3.

¹²⁵ ГАКО, ф. 207, б/ш, д. 335, л. 1; Костромской календарь за 1895 г. – Кострома, 1895. – С. 168; Бочков В. Старая Кострома. – Кострома. 1997. – С. 177.

¹²⁶ Костромской календарь на 1901 г. – Кострома, 1900. – с. 163; Бочков В.Н. Старая Кострома. – Кострома. 1997. – С. 71.

¹²⁷ ГАКО, ф. 135, оп. 1, д. 2348, л. 1-6; Костромской календарь за 1895 г. – Кострома, 1895. – С. 171.

9. германскому подданному Самуилу Зеласковскому – земли 1374 дес. с находящимися на ней древесно-порошковыми заводами в даче Бадеиха Клеванцовской волости и в ус. Шугаиха Троицкой волости Кинешемского уезда;
10. германскому подданному Леонору Иенновейну – лесная дача 180 дес. в Спасской волости Кологривского уезда;
11. германскому подданному Гансу Сегизмунду Теппиху - лесная дача 4533 дес. 113 саж. в Кологривском уезде с находящимся на ней деревянным домом с пристройками;
12. австрийскому подданному Францу Иосифу Штольба - 81 дес. земли с усадьбой и водяной мукомольной мельницей в Георгиевской волости Кинешемского уезда¹²⁸.

Зачастую фактором, побуждающим к принятию российского подданства, становилась перспектива государственной службы. Устав о службе содержал запрет для иностранцев в приеме на гражданскую службу. Исключение составляли а) должности по медицинской и фармацевтической части; б) должности помощников инспекторов университетских студентов; в) должности помощников директоров, хранителей и смотрителей, лаборантов и препараторов, механика и художников для составления чертежей при ученых заведениях и типографии Императорской Академии Наук; г) должности состоящих, при университетах Санкт-Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском, Новороссийском, Томском, и Св. Владимира в Киеве хранителей музеев, смотрителей клинических институтов и университетских больниц, механиков и лаборантов; д) должности по «искусственной части горного и монетного ведомств». Иностранные подданные, поступающие в упомянутые должности, освобождались от принесения присяги на подданство России, но обязаны были присягнуть на верность службы.

Освобождались от принесения присяги на подданство России и иностранные подданные, получившие право исправлять должности домашних наставников и учителей, но при этом они лишались прав и привилегий,

¹²⁸ ГАКО, ф. 140, оп. 1 доп., д. 27, л. 2.

предоставленных этим званием. Кроме того, иностранцы, хотя и принявшие присягу на подданство России, не допускались на должности учителей приходских училищ, за исключением, родившихся в России и исповедующих православие. Иностранцам запрещалось занимать должности в правоохранительной и судебной сферах, а также в выборной службе и в ряде других областей.

Среди служащих в Костромской губернии в конце XVIII в. «инженер-капитан прусской службы» Карл Генрихович фон Клер, исполнявший должность губернского архитектора в 1780-е гг. По его проектам построены Гостиный двор и Большие мучные ряды в г. Кострома, дом помещицы А.К. Пасынковой, расположенный на ул. Чайковского (д. № 11)¹²⁹. Указом от 30 января 1789 г. Карл фон Клер был назначен на должность Нерехтского городничего¹³⁰. В том же году приведен к присяге и определен на должность губернского архитектора, сроком на 3 года, поручик Карл Калино¹³¹.

Аналогичные примеры встречаем и среди «рядовых» должностей. В документах Костромского наместнического правления сохранилось дело, датированное 1790 г., о приведении к присяге на подданство России и определении в число канцелярских служителей Костромской палаты уголовного суда, шведа Густава Адольфа Сундепа¹³².

Основным источником внешней миграции на территорию России в конце XVIII – XIX вв. являлась Пруссия и другие германские государства.

Традиционной сферой деятельности немцев, поселившихся на территории Костромской губернии, была медицина и аптечное дело. Одна из первых частных аптек в г. Костроме была открыта выходцем из Пруссии, Карлом Христиановичем Гакеном в доме, выстроенном им на ул. Богословской (ныне ул. Горная, д. 8). Разрешение на открытие аптеки было выдано Медицинской коллегией 16 сентября 1785 г. Окончание же строительства дома и, соответственно, открытие аптеки традиционно относят к 1788 г. (Примечательно, что первая частная аптека в Москве была открыта в 1701 г.; в Петербурге – лишь в 1760 г.) После смерти в

¹²⁹ ГАКО, р-513, оп. 1, 413, л. 1.

¹³⁰ ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1097.

¹³¹ ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1126, л. 2..

¹³² ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1212, л. 2-3

1812 г. К.Х. Гакена заведование аптекой перешло сначала к его сыну Федору, а по смерти последнего – к вдове Елизавете Ивановне¹³³.

В 1817 г. в г. Костроме на ул. Московской (ныне ул. Островского д. 9) была открыта вольная аптека Максима Филлиповича Геслинга. Ко времени ее учреждения в Костромской губернии действовало лишь две аптеки – аптека Е.И. Гакен в г. Костроме и аптека Германа в г. Галиче. С момента получения в 1800 г. в Государственной медицинской коллегии аттестата на аптекарское звание М.Ф. Геслингом уже была организована аптека в г. Ярославль¹³⁴. После смерти Максима Филлиповича его дом и аптека перешли во владение сына - А.М. Геслинга (числится владельцем в 1852 г.)

Во второй половине XIX в. в Костромской губернии открывается сразу несколько частных аптек:

- в 1850-е гг. вольная аптека Густава Карловича Сунденберга в г. Солигалич¹³⁵;
- в 1860-е гг. аптека Фердинанда Зоммера на ул. Власьевской в г. Кострома (ныне ул. Симановского, д. 4);
- в 1872 г. открыта аптека Д.И. Зегница на ул. Ильинской в г. Кострома (ныне ул. Чайковского, д. 5). В 1890-е гг. аптека была продана Густаву Августовичу Грунау, а в 1902 г. - Казимиру Осиповичу Сильвестровичу, поляку по национальности. К.О. Сильвестрович окончил Слуцкое духовное училище. С 1883 г. служил аптекарским помощником, а затем провизором в Минске, Серпухове, Ростове-на-Дону. С 1898 г. содержал вольную аптеку в Моршанске¹³⁶;
- Парфентьевская вольная аптека Гуго Христиановича Шенрока. В 1878 г. аптека перешла во владение провизора Альфреда Карловича Шумана¹³⁷;
- Кинешемская вольная аптека Ю.Ф. Купфер¹³⁸;
- Галичская вольная аптека А.В. Бернер¹³⁹;
- Чухломская вольная аптека Ф.Ф. Фидлер.

¹³³ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 6722, л. 1, 3; p-513, оп. 1, д. 19, л. 1, 15.

¹³⁴ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 6722, л. 6.

¹³⁵ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 768, л. 1.

¹³⁶ ГАКО, ф. 135, оп. 1, д. 1427.

¹³⁷ ГАКО, ф. 135, оп. 1, д. 2086, л. 2.

¹³⁸ ГАКО, ф. 135, оп. 1, д. 2086, л. 4.

¹³⁹ ГАКО, ф. 135, оп. 1, д. 2086, л. 17.

– Юрьевецкая аптека провизора Бейстер. Его вдова, Христина Антоновна Бейстер, в 1900 г. оставила духовное завещание в пользу местной гимназии, Спасовходской соборной, Рождественской, Благовещенской, Казанской церквей г. Юрьевец¹⁴⁰.

Среди врачей, работавших в Костромской губернии в конце XVIII – первой четверти XIX вв. уже упоминавшийся нами Костромской городской штаб-лекарь Е. Шрейбер; лекарь Костромского староингерманского полка И. Герх; штаб-лекарь Ф.И. Ниттерфельд (служил при Доме общественного призрения в 1798 – 1803 гг.); Чухломский городской штаб-лекарь М. Вирман, лекарь Г.А. Клинген¹⁴¹.

Несмотря на то, что во второй половине XIX в. немецкие врачи и аптекари в значительной степени вытесняются русскими специалистами, среди служащих в губернии врачей встречаем немало немецких фамилий: ординатор Костромской губернской земской больницы В.В. Дримпельман, врач Костромской уездной земской больницы К.В. Дримпельман, лекарь Кинешемской городской больницы В.И. Шрейберг, смотритель Макарьевской городской больницы В.И. Белли, кинешемский уездный врач С.Н. Беллерт, заведующий Галичской земской больницей В.П. Бруммер, заведующий Юрьевецкой земской больницей врач В.Г. Шрейдер, фабричный врач «Товарищества бумаготкацких мануфактур братьев Г. и А. Горбуновых» В.А. Штюмер, фельдшер Э.Г. Тильдер¹⁴².

Из числа предприятий, принадлежавших выходцам из германских государств, наиболее известны:

– Льноприготовительная фабрика купца Крейцера, основанная им в 1854 г. вблизи г. Нерехта на р. Солонице. Фабрика, где ежегодно трудилось до 300 рабочих, помещалась в 5 деревянных корпусах. Выработанный «по фламандскому способу» лен отправлялся в Санкт-Петербург и импортировался за границу¹⁴³.

– Каплинская бумажная и Полянская картонная фабрики Генце, расположенные в Рябковской волости Кинешемского уезда. Известно, что Альберт Андреевич Генце с семьей приехал из Германии довольно бедным, но,

¹⁴⁰ ГАКО, ф. 130, оп. 4, д. 2056, л. 1-3; Костромской календарь на 1900 г. – Кострома. 1899. – С. 60.

¹⁴¹ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 462, 2292, 4777, 5667, 7041, 7713.

¹⁴² ГАКО, ф. 135, оп. 1, д. 3807, б/н; Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. – Кострома, 1862. – С. 32, 40; Костромской календарь на 1874 г. – Кострома, 1874. – С. 29; Костромской календарь на 1897 г. – Кострома, 1897. – с. 74, 75. 121.

¹⁴³ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. – Кострома, 1862. – С. 368.

проработав в качестве управляющего на Бычихинской картонной фабрике несколько лет, накопил небольшой капитал. Этого капитала хватило, чтобы организовать собственное дело. В начале 1870-х гг. А.А. Генце арендовал у фабриканта А.П. Толстопятова расположенную при деревне Инеге Полянскую картонную фабрику, полностью переоснастив ее. На вновь переоборудованной фабрике дела пошли хорошо, что позволило А.А. Генце основать собственное предприятие. В 1890 г. у мещанина Т.И. Исакова им был приобретен винокуренный завод в сельце Каплино, здание которого и было переоборудовано под бумагооберточную фабрику¹⁴⁴. В 1898 г. на Каплинской фабрике наследников А.А. Генце* работало 62 рабочих, на фабрике, арендуемой у А.А. Толстопятова – 98 человек¹⁴⁵.

В 1902 г. Германом Альбертовичем Генце совместно с германским подданным Николаем Бонни при д. Бычиха была основана Костромская картонная фабрика, ежегодный оборот которой составлял более 44 тыс. руб. А к 1910 г. ему удается выкупить и Полянскую фабрику у А.А. Толстопятова¹⁴⁶. Капитал Генце шел не только на развитие предприятий. Г.А. Генце состоял в должности почетного блюстителя Богоявленского двухклассного училища Министерства народного просвещения Галичского уезда, А.А. Генце - попечителем Починковского земского училища Кинешемского уезда¹⁴⁷.

– Широкой известностью среди костромичей пользовался паровой пивоваренный завод «Новая Бавария» и заведение искусственных фруктовых вод (по ул. Никольской) костромского купца Эмилия Ивановича Куни, приехавшего в Кострому из герцогство Баден (г. Эмендинген) в начале 1880-х гг. Это было традиционное семейное дело. Заведование технической частью осуществлял Георг Куни; административной частью - Виктор Куни, состоявший членом губернского присутствия по делам страхования рабочих¹⁴⁸. В 1914 г. на предприятии трудилось 30 рабочих, годовой оборот составил 120 тыс. рублей.

¹⁴⁴ ГАКО, ф. 137, оп. 1, д. 1909, л. 3.

* А.А. Генце умер в 1894 г.

¹⁴⁵ ГАКО, ф. 135, оп. 1, 3807, л. 28-29.

¹⁴⁶ ГАКО, ф. 137, оп. 3, д. 6043; Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1909 г. – Кострома, 1909. – С. 274; Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1910 г. – Кострома, 1910. – С. 276.

¹⁴⁷ Справочная книжка по Костромской губернии на 1909 г. – Кострома, 1909. – С. 159, 174.

¹⁴⁸ ГАКО, ф. 56, оп. 3, д. 49, л. 5 об; Список фабрик и заводов Костромской губернии, с указанием приблизительного числа рабочих и суммы годовой производительности // Справочная книжка по Костромской

В конце XIX г. германским акционерным обществом соединенных химических заводов под фирмой «С.Т. Морозов, Крелль и Оттоман» были основаны химический завод при даче Дмитриевке Горковской волости Кинешемского уезда и Дымницкий завод сухой перегонки дерева в Немденской (с 1918 г. Котловской) волости Макарьевского уезда. Для организации производства на Дмитриевском химическом заводе были приглашены Отто Юльевич Вальтер, Эдвин Арнольдович Грюн, химик Адольф Адольфович Гауптман. Ежегодный оборот предприятия составлял свыше 160 тыс. руб., численность работающих на нем – более 60 человек¹⁴⁹.

Оборот Дымницкого завода, выпускавшего сырой древесный спирт, уксусно-кислый белый порошок, древесную смолу и березовый уголь в 1914 г. составил немногим более 14 тыс. рублей, число работающих на предприятии – 15 человек. Стоимость недвижимого имущества по данным на 1916 г. – 148 488 руб. Предприятие было национализировано 6 января 1919 г.¹⁵⁰

В 1914 г. компанией Зингер был открыт в Троицкой волости Ветлужского уезда Якманский лесопильный завод¹⁵¹.

В годы Первой мировой войны Костромская губерния стала местом ссылки германских и австрийских подданных из западных губерний. В 1916 г. в Буйском уезде, ожидая разрешения вернуться на родину, проживало 129 иностранных подданных (в их числе 73 ребенка), в Кологривском уезде – 97, в Макарьевском – 64, в Чухломском – 5¹⁵². Сюда же направлялись и военнопленные.

Раненые поступали в местные госпитали, трудоспособные распределялись на работы в лесничества, казенные лесные дачи и гидротехнические партии. Их возвращение на родину стало возможным в 1918 г. Приказом Центральной коллегии о пленных и беженцах № 51 от 3 июля 1918 г. был установлен порядок эвакуации германских, болгарских и турецких пленных. Первоочередной

губернии на 1914 г. – Кострома, 1914. – Приложение - С.39; Справочная книжка по Костромской губернии на 1916 г. – Кострома, 1916. – Приложение - С.25.

¹⁴⁹ Справочная книжка Костромской губернии на 1912 год. – Кострома, 1912. – с. 274.

¹⁵⁰ Список фабрик и заводов Костромской губернии, с указанием приблизительного числа рабочих и суммы годовой производительности // Справочная книжка по Костромской губернии на 1914 г. – Кострома, 1914. – Приложение - С.51; Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Костромской губернии. По данным Всероссийской Промышленной и Профессиональной переписи 1918 года. – Тула, 1920. – С. 10-11.

¹⁵¹ Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Костромской губернии. По данным Всероссийской Промышленной и Профессиональной переписи 1918 года. – Тула, 1920. – С. 8.

¹⁵² ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 248.

отправке на родину подлежали военнопленные инвалиды и гражданские пленные, включая военнообязанных, в порядке их перечисления: женщины и дети, негодные к воинской службе мужчины от 16 до 45 лет, мужчины старше 45 лет, врачи и духовные лица, годные к воинской службе мужчины в возрасте от 16 до 45 лет. Гражданские пленные подлежали отправке вместе со своими семьями. Это положение касалось и военнообязанных. Желаящие выехать на родину за свой счет, имели право следовать пассажирскими поездами в качестве частных пассажиров. Военнопленные подлежали эвакуации, насколько это представится возможным по общему положению железнодорожного сообщения¹⁵³. Приказом Центральной коллегии о пленных и беженцах № 77 от 27 июля 1918 г., на основании двустороннего соглашения между странами, аналогичный порядок был установлен и для пленных Австро-Венгрии¹⁵⁴.

В заключение хотелось бы коснуться вопроса о конфессиональной принадлежности, проживавших на территории Костромской губернии немцев. Согласно данным переписи 1897 г. большинство из них – 239 из 289 – сохранили лютеранское исповедание; 27 – числились православными; 13 – римско-католического исповедания; 2 – иудеи; 8 – причисляли себя к иным конфессиональным группам.

Впервые вопрос о строительстве лютеранской церкви в Костроме обсуждался еще в начале XIX в. По сведениям, представленным флота капитаном 1-го ранга Германом Шурманом костромскому губернатору, в 1804 – 1805 гг. здесь проживало не более 20 лютеран. Выделить достаточное количество средств на строительство церкви они оказались не в состоянии и обратились к губернатору с просьбой ходатайствовать перед императором о назначении пастора для окормления общин Костромы, Ярославля и Вологды¹⁵⁵.

Строительство каменной лютеранской церкви в г. Костроме, получившей наименование Александровской, началось в середине 1860-х гг. по прошению старшины Костромского евангелическо-лютеранского совета, провизора

¹⁵³ ГАКО, р-1463, оп. 1, д. 5, л. 28.

¹⁵⁴ ГАКО, р-1463, оп. 1, д. 4, л. 12.

¹⁵⁵ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 2547, л. 11.

Фердинанда Зоммера на земле, приобретенной у купца С. Павлова на углу ул. Власьевской и Царевского переулка¹⁵⁶.

В начале XX в. церковный совет возглавил Г.А. Грунау, окормлял костромской приход пастор Б.Г. Кенигсфельд, живший в Ярославле.

5. 2. Внутренняя миграция.

Во второй половине XIX в. активизировалась миграция на территорию Костромской губернии из западных районов страны. Особенно много среди мигрантов было евреев. Их проживание в Российской империи ограничивалось так называемой чертой оседлости - территорией, за пределами которой евреям запрещалось постоянное жительство. В черту оседлости входили Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилёвская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская (включая уезды Суражский, Мглинский, Новозыбковский и Стародубский) губернии. Бессарабия после её вхождения в состав Российской империи в 1812 г. и губернии Царства Польского - Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская, Седлецкая (польские земли, отошедшие к Российской империи в 1815 г.), также были отнесены к черте оседлости.

На основании Положения для евреев от 9 декабря 1804 г. фабрикантам, ремесленникам, художникам и купцам, разрешалось приезжать по коммерческим делам «для усовершенствования в художествах или для показания особого искусства в ремеслах и фабриках» во внутренние губернии. Сведения о паспортах, выданных губернаторами покидающим черту оседлости евреям, ежемесячно представлялись в Министерство внутренних дел¹⁵⁷.

В 1806 г. в г. Кострому «для распространения своего мастерства и прокормления себя» прибыли австрийские поданные еврейской нации золотых дел мастера Абрам Штейн и Лебля Голберг с товарищем Авраамом Гойхман (Гехманом). В 1807 г. они объявили о своем желании избрать постоянным местом жительства Минскую губернию. Среди, получивших разрешение на временное

¹⁵⁶ ГАКО, ф. 176, оп. 1. д. 1304, л. 1; ф. 133, б/ш, д. 2173, л. 1.

¹⁵⁷ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXVIII. – № 6866. – СПб, 1830. – С. 731-737.

пребывание в Костроме упоминается так же мещанин Витебской губернии часовых дел мастер Есель Менделевич Мендельон¹⁵⁸.

Со вступлением на престол императора Александра II евреям - купцам первой гильдии и ремесленникам было предоставлено право жительства за пределами черты оседлости. С 1861 г. ограничение места пребывания было отменено для лиц, имеющих ученые степени доктора, магистра или кандидата, а равно доктора медицины и хирургии. С 1866 г. евреи-врачи, не имеющие ученой степени, получили право поступать в медицинскую службу по ведомству Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел на всей территории империи за исключением столиц и столичных губерний. Среди служащих в Костромской губернии врачей заведующий Солигаличской земской больницей Гольблат Иосиф Степанович; заведующий Чухломской земской больницей, почетный гражданин г. Николаева, Самсов Лев Давидович; в должности земского врача Чухломского уезда Кацман Шмуль Авраамович; фабричный врач на фабрике Г.Н. Малахова в с. Дуляпине Нерехтского уезда Лютович Михаил Абрамович¹⁵⁹.

В конце 1860-гг. право на жительство за пределами черты оседлости было предоставлено евреям, получившим отставку от воинской службы. Из их числа были приписаны:

- в Костромское мещанство – Ауфер Гирш в 1889 г.;
- Бурштейн Янкель Шмуйлов в 1883 г.
- Вестицкий [Борух в 1874 г.]
- Вильгельмов Мовша в 1868 г.
- Гинзбург Абрам в 1868 г.
- Гинзбург Зельма Мовшов в 1871 г.
- Гранадер Ицко Мордухов в 1870 г.
- Згубский Лейба Беркович в 1882 г.
- Лейцих Янкель Мовшев в 1888 г. (крещен в 1903 г.)
- Ляска Зельман Мордухов в 1883 г.

¹⁵⁸ ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 3180, б/н.

¹⁵⁹ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1112, л. 23 об, 45 об, 53 об, 86 об; Костромской календарь на 1902 г. – Кострома, 1902. – С. 121.

Маст Ицко Шмуїлов в 1884 г.

Могиндович Рувим Мовшов в 1883 г.

Моркович Шапся Габриолов в 1882 г.

Розенсон Елиаким Мовшев в 1868 г.

Тарасишек Сендер Абрамов в 1887 г.

Фрейцих Янкель Фейвов в 1869 г.

Штабинский Янкель Берков в 1882 г.

Эльзуцкий Рубин Давидов в 1881 г.

– в Макарьевское мещанство - Гирша Гиршкович Толпеев в 1870 г.

– в Чухломское мещанство – Абрамов (имя не установлено в документах упоминается

его вдова, Абрамова Либа) в 1871 г.

Абрамайтис Вульф Лейбов в 1872 г.¹⁶⁰

Для служащих в Костромском гарнизоне иудеев в 1863 г. по ходатайству полковника Барановского в здании Мичуринских казарм была открыта еврейская моленная. В последствии она была перенесена на одну из частных квартир, там богослужения проводились до начала XX в. В 1902 г. поверенным от евреев купцом Лейбой Домбек было подано прошение об открытии в г. Костроме молитвенной школы и хозяйственного правления. На что Департаментом духовных дел иностранных исповеданий и было дано соответствующее разрешение в 1903 г. В состав хозяйственного правления вошли Л.С. Зак; А.М. Гранадер; И.Я. Штабинский; М.И. Урфис, И.И. Канторович. Для совершения богослужений у купца Сергея Абрамовича Виноградова был арендован дом на углу ул. Марьинской. Вместе с тем началось строительство здания синагоги, которое было завершено в 1907 г. Для обучения детей было открыто училище – хедер, в котором по официальным данным в 1914 г. обучалось 12 мальчиков и 1 девочка¹⁶¹.

Согласно данным Всероссийской переписи 1897 г. на территории губернии проживали 830 евреев, из них в г. Костроме – 531 человек. Среди владельцев

¹⁶⁰ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1112.

¹⁶¹ Обзор Костромской губернии за 1914 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. – Кострома, 1915.

торговых предприятий и ремесленных мастерских, расположенных здесь, в числе наиболее известных фамилий можно назвать Азерских, Домбек, Зак, Маркович, Мусиных, Раабот.

Бобруйский мещанин Залман Беркович Азерский приехал в Кострому в 1840 г. Здесь он открыл часовую мастерскую. В 1863 г. был зачислен в ремесленный цех, а в 1899 г. получил временное гильдейское свидетельство. Дело отца продолжил младший сын Шая Залманов Азерский, содержавший в гостинном ряду часовой магазин и магазин золотых, серебряных, бриллиантовых и оптических вещей. Старший сын, Аарон, избрал для себя ремесло гравера. В 1879 г. по представлении образца граверного искусства он был зачислен в ремесленный цех. В 1900 г. в здании гостиницы «Старый двор» им была открыта граверная мастерская и типо-литография для изготовления афиш, брошюр, квитанционных и чековых книжек, открытых писем, почтовых бланков и бланковых книг. В 1910 г. мастерская и типо-литография А. Азерского были переведены в нижний этаж дома Смольянинова на ул. Богоявленской¹⁶². Возможно причиной для переезда на новое место послужило открытие в 1905 г. в доме Любимова (ул. Русина, д. 9) мастерской для производства граверных работ и изготовления каучуковых штемпелей Шмуль-Гирши Марковича¹⁶³. Так или иначе, типография А. Азерского продолжала свою деятельность и в первые годы советской власти. По данным за 1918 г. на предприятии трудились 22 рабочих, помимо традиционных для предприятия видов продукции там изготавливались линованная писчая бумага, картонные папки, выполнялись переплетные работы¹⁶⁴. Предприятие было национализировано в декабре 1919 г.

Мусин Мовша Ефилев переселился в г. Кострому из Виленской губернии в 1866 г. Часовых дел мастер, в 1894 г. он получил свидетельство на торговое предприятие 2-го разряда и открыл собственный часовой магазин. В 1900 г. уезжая в г. Кинешму он передал магазин в управление одному из своих сыновей, Азриелю.

¹⁶² ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1112, 1 об – 2 об; д. 677, л. 28; р-915, оп. 1, д. 1570, л. 4.

¹⁶³ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 677, л. 1-3.

¹⁶⁴ Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Костромской губернии. По данным Всероссийской Промышленной и Профессиональной переписи 1918 года. – Тула, 1920. – С. 22-23.

Владельцем одного из крупнейших галантерейных и шляпно-корсетных магазинов в городе был Раабот Яков Моисеев. Он приехал в Кострому в 1866 г. и спустя семь лет был приписан в костромское мещанство, а в 1896 г. в купечество 2-ой гильдии¹⁶⁵.

Могилевский мещанин Лазарь Самуилович Зак приехал в Костромскую губернию в 1883 г. В течение семнадцати лет служил бракером лесных материалов Московского лесопромышленного товарищества в Рябковской волости Кинешемского уезда.

В начале XX в. записался в купеческое сословие и переселился в г. Кострому, чтобы дать возможность детям получить образование в одной из гимназий города. Здесь в доме Третьякова на Богоявленской улице им были открыты магазины канцелярских принадлежностей, москательных товаров, строительных материалов, печных принадлежностей. После революции семья переехала в г. Саранск. В 1918 – 1922 гг. Лазарь Самуилович служил в должности счетовода и бухгалтера в коммунотделе Саранского усовнархоза Пензенской области. Один из его сыновей, состоял заведующим Саранской больницей. Здесь же в 1921 г. от сыпного тифа умерла его дочь Елена, ординатор полевого запасного госпиталя № 686. Около 1923 г. семья вернулась в г. Кострому¹⁶⁶.

Купец 2-ой гильдии Лейба Ицков Домбек содержал в гостином ряду часовой магазин, магазин золотых, серебряных, бриллиантовых и оптических вещей, аптекарский магазин. Здесь костромичи могли приобрести золотые и серебряные часы самых известных фирм; изделия из золота, серебра и бриллиантов; подарочные вещи, выполненные из серебра и мельхиора; папки, альбомы и бювары; очки, пенсне, лорнетты и бинокли; фотографические аппараты и объективы; парфюмерию русских и зарубежных фабрик, хирургические инструменты, перевязочные материалы, минеральные воды и др. Семья Л.И. Домбек поселилась в г. Пучеж Костромской губернии в 1860 г. Его отец Ицка Цалков Домбек, приписавшийся в пучежское мещанство в 1876 г., служил по ведомству Министерства путей сообщения, младший брат Янкель Ицков был

¹⁶⁵ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1112, 73 об.

¹⁶⁶ ГАКО, р-7, оп. 6, д. 471, л. 1, 11, 15, 34, 41, 43; р-86, оп. 1, д. 15, л. 23 об.

агентом местного пароходства, дядя Хаиль Цалков содержал в Пучеже часовую мастерскую. Сам Лейба Домбек переехал в Кострому в 1893 г. и уже через шесть лет получил гильдейское свидетельство¹⁶⁷.

Вторым по численности проживавших там евреев был г. Кинешма. Здесь согласно переписи 1897 г. их было зарегистрировано 68 человек. Среди предприятий, принадлежащих евреям в г. Кинешма в начале конце XIX – начале XX вв.:

- ткацко-белильно отделочный завод бобруйского мещанина Рабкина Янкеля Гиршовича, проживавшего в Кинешме с 1870 г.;
- магазин готового платья кинешемского купца 2-гильдии Фрезинского Рахилия Янкелевича; в Кинешме с 1870 г., гильдейское свидетельство выдано в 1894 г.;
- часовой магазин витебского мещанина Либсона Литмана Шаевича (Исаевич); часовой магазин друйского мещанина Мусина Рафаила Мовшовича;
- часовая мастерская витебского мещанина З.Т. Гарфункеля;
- фотомастерская двинского мещанина Гольдфейна Мейер Мордуховича. М.М. Гольдфейн поселился в Кинешме в 1867 г. Разрешение на открытие фотомастерской получил в 1883 г. Как фотограф и «живописец вывесок» был записан в малярный цех в 1899 г.¹⁶⁸

Накануне Первой мировой войны в Костромской губернии было зарегистрировано несколько лесоперерабатывающих предприятий, принадлежащих лицам еврейской национальности:

- Лесопильный завод стародубского купца Аарона Самуиловича Гудовского и Переяславского купца Николая Александровича Иванова в с. Шушкодом Буйского уезда.
- Лесопильный завод О.Г. Цодикова, Л.Г. Хигеровича в Коткишевской волости Кологривского уезда. Производительность свыше 28 тыс. рублей, число работающих – 13 человек.
- Паровой лесопильный завод Абрама Ицкова Рискинда в пус. Воробьево Муравьищенской волости Чухломского уезда. Производительность 10 тыс. рублей, число работающих – 25 человек. Закрыто в начале 1918 г.

¹⁶⁷ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1112, 28 об -29 об.

¹⁶⁸ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1112, л. 18 об, 76 об, 92 об; д. 1350, л. 19 об.

- Паровой лесопильный завод Соломона Зеликова Гернфельда близ д. Васьковка Бушневской волости Чухломского уезда. Производительность 10 тыс. рублей, число работающих – 20 человек. (В 1911 г. подольским мещанином С.З. Гернфельдом, проживавшим в г. Галич, подано прошение о разрешении на строительство лесопильного завода в пустоши Барбаево Муравьищенской вол. Чухломского у.¹⁶⁹)
- Лесопильный завод «Левин-Бор» торгового дома «Геллер и К°», близ д. Старово Ануфриевской вол. Кологривского уезда. Производительность свыше 17 тыс. рублей, число работающих – 28 человек. Владелец завода – 1-ой гильдии московский купец Геллер [Наум Иосифович].
- Талицкий лесопильный и бочарный завод Торгового дома «Геллер и К°» в Вексинской волости Буйского уезда.
- Лесопильный завод Торгового дома «Геллер и К°» при д. Курбатиха Обжерихинской вол. Юрьевецкого у. Строительство начато в 1912 г.¹⁷⁰

В годы Первой мировой войны для помощи беженцам из числа евреев были образованы Костромской и Кинешемский еврейские комитеты. Общее число обратившихся за помощью к осени 1916 г. составило 641 человек.

Вторым по численности стал миграционный поток в Костромскую губернию с территории современной Латвии. Главной причиной переселения было неудовлетворительное социальное и экономическое положение латышских крестьян: нехватка земли, частые неурожаи и чрезмерная эксплуатация. Переселенческое движение в прибалтийских губерниях стало формироваться в середине XIX в. В 1840 – 50-х гг. основным его направлением были юго-восточные губернии - Самарская и Саратовская. В 1860-х гг. началось переселение в Новгородскую губернию. В этот же период отдельные латышские колонии появились в Витебской, Могилевско, Воронежской губерниях и на Кубани. В 1880-1890-х гг. начался этап добровольного переселения в Сибирь.

Когда именно были основаны латышские поселения в Костромской губернии установить не удалось. По данным переписи 1897 г. в Костромской губернии проживало 327 латышей. Подавляющее большинство из них селилось в

¹⁶⁹ ГАКО, ф. 137, оп. 2, д. 4423, л. 1.

¹⁷⁰ ГАКО, ф. 137, оп. 2, д. 4412, л. 11.

сельской местности, в городах проживали лишь 34 человека. 186 человек из числа переселенцев (56,8% от их общей численности) – колонисты земледельцы, поселившиеся в Галичском уезде.

В 1897 г. в г. Костроме на ул. Русина (дом № 6) был открыт магазин Людвиг Федоровича Демме. Магазин предлагал широкий ассортимент товаров: швейные, вязальные и стиральные машины, пишущие машинки, велосипеды, граммофоны, патефоны, шапирографы, граммофонные и патефонные пластинки, дверные замки и др. В магазине была организована собственная мастерская для гарантийного ремонта товаров. Здесь же желающие могли научиться машинописи и уходу за пишущей машинкой. Людвиг Федорович входил в состав правления местного отдела Императорского общества садоводства¹⁷¹.

По данным переписи 1897 г. подавляющее большинство, 305 из 320, переселившихся в Костромскую губернию латышей придерживались лютеранского вероисповедания; 20 – исповедовали православие; 2 – римско-католического исповедания. Галичская община не имела своего прихода – богослужения проводились в одном из общественных зданий, при посещении Галича пастором из Ярославля.

С началом первой мировой войны в Костромскую губернию хлынул поток беженцев из прибалтийских губерний. К осени 1916 г. в местных национальных комитетах были зарегистрированы свыше 1200 латышей и 1600 литовцев. Костромской латышский комитет вспомоществования беженцев разместился в помещении, предоставленном Л.Ф. Демме. Возглавил комитет Ф. Фигнер. По его просьбе для детей беженцев при Спасско-Никольской г. Костромы церковно-приходской школе было организовано обучение по типу школ прибалтийского края с преподаванием латышского языка¹⁷².

В 1915 г. в Кострому из Риги был эвакуирован инструментальный завод фирмы Л.Ф. Пло. Завод расположился на купленной у помещика Мягкова земле, в непосредственной близости от с. Селища. Местность эта в последствии получила наименование Слободы Металлистов. На новом месте завод стал выпускать продукцию, преимущественно для нужд войны: колючую проволоку, ножницы

¹⁷¹ Справочная книжка по Костромской губернии на 1916 г. – Кострома, 1916. – Приложение - С. 52.

¹⁷² ГАКО, ф. 438, оп.1, д. 1189, л. 13-15, 49.

для ее резки и всякого рода инструменты, а также гидропрессы. Вместе с заводом из Риги прибыла и часть кадровых рабочих, преимущественно латышей. К августу 1918 г. на заводе работало 426 человек. Завод был национализирован в 24 января 1919 г. и получил новое название – Первый Костромской Государственный механический завод. По данным Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. завод выпускал торфяные машины, паровозные домкраты, станки, плуги, бороны, топоры, кирки, слесарные напильники, части сельскохозяйственных машин и др.¹⁷³

В июне 1915 г. в г. Кострому была эвакуирована фабрика Рижского Товарищества Бумагопрядильной и Ткацкой Мануфактуры «Лента». В годы войны фабрика выпускала пулеметную, фитильную, фляжечную и изоляционную ленту. Производство возглавил Александр Янович Валленбург, латыш по национальности. Число работающих на предприятии составило в 1917 г. – 400 человек, в 1918 г. – 162 человека. Кроме того, в Кострому прибыл член правления фабрики Иоганн-Фридрих Силлин¹⁷⁴.

Можно предположить, что часть эмигрантов и беженцев из прибалтийского региона покинули Костромскую губернию уже в 1918 г. Так, заявления о выходе из российского гражданства подали латыши Дальбинг К.Г., Ишкад Г.И., Кадик Ф.М., Ласман А.М., Фон-Транзе А.А. и уроженцы Литвы Баяс П.А, Бочкус Э.К., Бухарт А.Е.¹⁷⁵ В ходе регистрации, проведенной на основании постановления Совета обороны от 19 июня 1919 г. в г. Костроме в числе прочих были зарегистрированы 59 латышей, 18 литовцев, 8 эстонцев¹⁷⁶. Массовая же реэвакуация началась только в 1920 – 1921 гг. после подписания мирных договоров с получившими независимость прибалтийскими республиками¹⁷⁷.

В годы советской власти законодательство в отношении иностранных граждан, предоставления им прав российского гражданства претерпело значительные изменения. Изменились и факторы, влияющие на ход

¹⁷³ ГАКО, р-915, оп. 1, д. 1596; Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Костромской губернии. По данным Всероссийской Промышленной и Профессиональной переписи 1918 года. – Тула, 1920. – С. 4-5, 31.

¹⁷⁴ ГАКО, р-234, оп. 4, д. 55, л. 29, 39; Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Костромской губернии. По данным Всероссийской Промышленной и Профессиональной переписи 1918 года. – Тула, 1920. – С. 20-21, 61.

¹⁷⁵ ГАКО, р-234, оп. 4, д. 21, л. 13, 111, 250, 384, 393, 511, 487-506.

¹⁷⁶ ГАКО, р-234, оп. 4, д. 55, л. 27-40.

¹⁷⁷ ГАКО, р-234, оп. 4, д. 55, л. 154, 161; р-2768, оп. 1, д. 1, л. 1-6.

миграционных процессов внутри страны. Этот вопрос достоин отдельного разговора и может послужить темой для самостоятельного исследования.

*Материал подготовила
завотделом использования и публикации документов
Н.В. Бадьина*